Въ защиту
свободнаго
искусства

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ.

Стихи
Проза
Статьи.

Пощечина Общественному Вкусу.

Д. Бурлюкъ, Н. Бурлюкъ,
А. Крученыхъ, В. Кандинскій,
Б. Лившицъ, В. Маяковскій,
В. Хлѣбниковъ.

Изданіе Г. Л. Кузьмина.

Анатолий Штайбок

1923 г.
Москва

Типо-литографія
т. д. „Я. Данкинъ и
Я. Хомутовъ“, Москва, Б. Никитская,
9. Телеф. 199-26.

Ковнати
19 2/IV 23

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ.

Читающимъ наше Новое Первое Неожиданное.

Только *мы—лицо нашего* Времени. Рогъ времени трубитъ нами въ словесномъ искусствѣ.

Прошлое тѣсно. Академія и Пушкин непонятнѣе гіероглифовъ.

Бросить Пушкина, Достоевскаго, Толстого и проч. и проч. съ Парохода современности.

Кто не забудетъ своей первой любви, не узнаетъ послѣдней.

Кто же, довѣрчивый, обратитъ послѣднюю Любовь къ парфюмерному блуду Бальмонта? Въ ней ли отраженіе мужественной души сегодняшняго дня?

Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажныя латы съ чернаго фрака воина Брюсова? Или на нихъ зори невѣдомыхъ красотъ?

Вымойте Ваши руки, прикасавшіяся къ грязной слизи книгъ, написанныхъ этими безчисленными Леонидами Андреевыми.

Всѣмъ этимъ Максимамъ Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубамъ, Ремизовымъ, Аверченкамъ, Чернымъ, Кузьминымъ, Бунинымъ и проч. и проч. — нужна лишь дача на рѣкѣ. Такую награду даетъ судьба портнымъ.

Съ высоты небоскребовъ мы взираемъ на ихъ ничтожество!...

Мы приказываемъ чтить права поэтовъ:

1) На увеличеніе словаря въ его объемѣ произвольными и производными словами (Слово—новшество),

2) На непреодолимую ненависть къ существовавшему до нихъ языку.

3) Съ ужасомъ отстранять отъ гордаго чела своего, изъ банныхъ вѣниковъ сдѣланный Вами Вѣнокъ грошевой славы.

4) Стоять на глыбѣ слова „мы“ среди моря свиста и негодованія.

И если пока еще и въ нашихъ строкахъ остались грязныя клейма Вашихъ „Здраваго смысла“ и „хорошаго вкуса“, то все же на нихъ уже трепещутъ впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоцѣннаго (самовитаго) Слова.

Д. Бурлюкъ,
Александр Крученыхъ,
В. Маяковскій,
Викторъ Хлѣбниковъ.

Москва. 1912. Декабрь.

ВЕЛИМИРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

КОНЬ ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Ор. № 13.

Бобэоби пѣлись губы
Вээоми пѣлись взоры
Піээо пѣлись брови
Ліэээй пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Внѣ протяженія жило Лицо.

№ 14. Кому сказатеньки
Какъ важно жила барынька
Нѣтъ не важная барыня
А такъ сказать лягушечка
Толста низка и въ сарафанѣ
И дружбу вела большевитую
Съ сосновыми князьями
И зеркальныя топила
Обозначили слѣды,
Гдѣ она весной ступила
Дѣва вѣтренной воды.
Полно, сивка, видно тра
Бросит соху. Хлещет ливень и сѣчетъ
Видно ждетъ насъ до утра
Сонъ, коняшня и почетъ.

№ 15. На островѣ Эзелѣ
Мы вмѣстѣ грезили
Я былъ на Камчаткѣ
Ты теребила перчатки.
Съ вершины Алтая
Я сказалъ „дорогая“.

Въ предгорьяхъ Амура
Крылья Амура.

№ 16. Крылышкуя золотописьмомъ
Тончайшихъ жилъ
Кузнечикъ въ кузовъ пуза уложилъ
Прибрежныхъ много травъ и вѣръ
Пинь, пинь, пинь! тарарахнулъ зинзиверъ.
О лебедиво
О озари!

№ 17. Очи Оки
Блещутъ вдали.

№ 18. Чудовище—жилецъ вершинъ
Съ ужаснымъ задомъ
Схватило несшую кувшинъ
Съ прелестнымъ взглядомъ.
Она качалась точно плодъ
Въ вѣтвяхъ косматыхъ рукъ.
Чудовище, уродъ
Довольно, тѣшитъ свой досугъ.

№ 19. Гуляетъ вѣтренный кистень
По золотому войску нивъ
Что было утро, стало день.
Блаженъ, кто утромъ былъ лѣнивъ.

№ 20. Съ журчанiемъ-свистомъ
Птицы взлетать перестали.
Трепещущимъ листомъ
Онѣ не летали.
И какъ высокое крыло
Ночного лебедя грозы
Птица—облако нашло
Бросая сумракъ на низы.
Тянулись таинственно перья
За темнымъ широкимъ крыломъ.
Бѣглецъ науки лицемѣрья
Я мраку скакалъ напроломъ.

„ДѢВІЙ БОГЪ".

Посвящается Т....

Первое.

Дочьки. Солнца. Мамонько! Ужъ коровушки ревьмя ревутъ, водиченьки просятъ сердечныя. Ужъ ты дозволь мнѣ, родная, ужъ ты позволь, родимая, сбѣгаю я за водицей къ колодцу, напиться имъ принесу, сердечушкамъ-голубушкамъ моимъ. Не велика бѣда, [illegible] княжеской дочкѣ разъ сбѣгать до колодца за водой идучи, не перестану я быть дочерью Солнца, славнаго князя Солнца. И плечи мои не перестанутъ быть нѣжными и бѣлыми отъ коромысла. А со двора всѣ ушли слуги нерадивые, кто куда.

Боярыня. Сходи, родная, сходи, болѣзная. И что это на тебя причуда какая нашла? О коровушкѣ заботу лелѣешь! То, бывало, жемчуга въ воду рѣченку, шутя кидаешь, — а стоятъ коровушекъ они, или оксамиты палишь на игрищахъ у костровъ — а стоятъ жемчуговъ они, а то о коровушкахъ заботу лелѣешь. Иди, доня, пойди, напой ихъ! Только зачѣмъ это кику надѣла съ жемчужной укой? Еще утащитъ тебя въ рѣку изъ-за нея водяной и достанешься ты не морскому нѣгуту, а своей родной нечисти. Или боднетъ тебя буренушка, а и страшная же она!

Молва, дочь князя Солнца. О, мамо, мамо! Буду идти мимо Спячихъ, и не хорошо, если увидятъ меня простоволосой. Лучше жемчужную кику имѣть, идя и по воду для коровушекъ.

Мать Молвы. Иди, иди, Незлавушка, иди, иди, красавица! (Цѣлуетъ ее, склоненную, съ распущенными волосами, въ лобъ. Княжна, раскраснѣвшись, съ лицомъ радостнымъ и отчаяннымъ, уходитъ). Только почему это я коровьяго мыка не слышу? Или на старости глуха стала? (Перебираетъ въ ларцѣ вещи).

(Вбѣгаетъ старуха, всплескивая руками).

Старуха. О, мать-княгинюшка! Да послушай же ты, что содѣялось! Да послушай же ты, какая напасть навѣялась! Не соколъ на сѣрыхъ утицъ, не злой ястребъ на голу-

бицъ, на голубицъ невинныхъ, голубицъ ненаглядныхъ, голубицъ милыхъ — Дѣвій—богъ, какъ снѣгъ на голову. Дѣвій богъ онъ явился. Дѣвій—богъ.

Б о я р ы н я. (Въ ужасѣ). Дѣвій—богъ! Дѣвій—богъ!

С т а р у х а. Явился незванный, негаданный. Явился ворогъ злой, недругъ, соколій глазъ. Съ ума насъ свести, дуръ нашихъ взбѣсить. О, сколько же бѣдъ будетъ! Иныя будутъ, шатаясь, ходитъ, дѣлая широкими и безумными отъ счастья глаза и твердя тихо — онъ, онъ.

Другія, лапушка моя, по разному не взвидятъ свѣта.

К н я г и н я. Ахъ ты напасть какая! Ахъ ты, туча на счастье наше. На счастье наше золотое, никѣмъ не поруганное, никѣмъ не охаянное, не позоренное. Ужъ я ли не наказывала Бѣлынѣ: чуть провѣдаешь, что лихо дѣвичье въ городѣ — ворота на замокъ, на замокъ рѣзныя, а ключъ либо въ воду, либо мнѣ. Да собакъ позлѣе пусти по двору, чтобы никто вѣсточки не могъ передать, той ли записочки мелкочетчатой. То-то коровушкамъ пить захотѣлось! То-то въ жемчугахъ идти нужда стала. И дѣвки разбѣжались всѣ. О, лукавая же, ненаглядная моя. И изстрепала бы ея ненаглядныя косы, если бы не любила пуще отца-матери, пуще остатка дней, ее, золотую, и золотую до пятъ косу. И лишь равно-милъ сине черный кудрями Сновидъ. Но онъ на далекомъ студеномъ морѣ славитъ русское имя.

(Входятъ другія женщины, всплескивая руками).

Ж е н щ и н ы. Сказываютъ, что царская дочь, какъ селиночка-поляниночка одѣта и тоже не сводитъ безумныхъ глазъ съ дѣвичьяго лиха.

А говорятъ, красоты несказанной, ни сонной, ни сказочной, а своей.

А и сѣдыя срамницы, сказываютъ, есть и тоже не сводятъ безумныхъ глазъ съ голубоокаго. А онъ хотя бы посмотрѣлъ на кого. Идетъ и кому-то улыбается. А и невѣдомо, кому. Беретъ изъ-за пояса свирѣль и поетъ, улыбаясь. А и зачѣмъ поетъ, а и зачѣмъ поетъ, и откуда пришелъ, и надолго ли, — неизвѣстно. И куда — неслыханно, незнаемо. И куда идемъ — не знаемъ. Ужъ не послѣднія ли времена пришли. Нѣтъ, въ наше время знали стыдъ, и дѣвушки не смѣли буйствовать,

ослушиваясь родительской воли. А нынѣ, куда идемъ — неизвѣстно. Ужъ, знать, послѣднія времена наступаютъ. Ахъ, сѣдые волосы, сѣдые волосы!

Старуха. Что, княгиня, задорого отдашь серебряное зеркало? Дай, посмотрю, можетъ быть, облюбую и любую дамъ за него цѣну. Греческой работы. А изъ Фермакопеи?

Княгиня. Нѣтъ, жидовинъ изъ Бабилу привезъ.

Доброслава. А, изъ Бабилу! Сколько лѣтъ, столько морщинъ. И глаза ужъ не тѣ, не такъ когда-то блестѣли. Ахъ, молодые дѣвичьи годы. И почему такъ Солнце, закатываясь, знаетъ, родимое, что взойдетъ зарей заутра. А, постарѣвъ, снова ли станемъ молодыми? Нѣтъ, видно не станемъ! Что-то не видно старыхъ подругъ! Ахъ, бывало, иныя изъ нихъ черноглазы и быстроноги.

Видно, пойти искать мнѣ мою срамницу! А то нѣтъ?

Княгиня Гордята. Стыдись, матушка! Наши лѣта уже не тѣ.

Доброслава. Хоть разъ взглянуть на него, какой онъ изъ себя.

Княгиня Гордята. Нѣтъ, пошла бы къ Спѣсивыя Очи, да не на кого дворъ оставить.

Доброслава. А ты собакъ съ цѣпи спусти. Да побей ихъ хорошенько, чтобъ злѣе были.

Что это, я сегодня нечесаная какая. точно поминки справляю по мужу.

Гордята. И мнѣ, видно, пріодѣться. (Раскрываетъ сундукъ и вытаскиваетъ платье, осыпанное каменьями).

Доброслава. Ужъ дай, матушка, и я одѣнусь. Некогда мнѣ бѣжать къ своему скарбу. (Одѣвается). Что это, колоколъ? Знать, вѣче. Видно правду сказывали дѣтинушки, что молодцы раздѣлятся, и что одни пойдутъ войной на Дѣвьяго-бога, замыслили его убить, а другіе встанутъ на защиту.

Гордята. Страсти какія! (Обѣ встаютъ и одѣваются).

Доброслава. Что это, шумъ! Знать, недалеко проходятъ. И поютъ и поютъ... Ахъ ты, несчастье какое! (Накидываютъ платокъ и выбѣгаютъ во дворъ на зеленый лугъ передъ частоколомъ князя Солнца).

(Впереди, взявшись за руки и полуповернувшись къ Д. б., идутъ дѣвушки, разсѣивая цвѣты и поютъ).

Дѣвушки. Намъ сказали, что ты человѣкъ,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!
Намъ сказали, что ты богъ,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!
Намъ говорятъ, что ты не Лель,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!

Смотрящая толпа. Впереди шествуютъ дѣвушки, смотрите, смотрите — онѣ въ вѣнкахъ широкихъ прирѣчныхъ травъ, покрывающихъ зелеными лучами ихъ локти, станъ и темя. И каждая, какъ солнце.

(Онѣ выходятъ впередъ и пляшутъ, смотря то на землю, то на учителя. И поютъ. «Намъ сказали, что ты не богъ», поетъ голубоокій сейчасъ, тогда черноглазый запѣвало,—«а мы не вѣримъ» отвѣчаетъ ему — слушайте, слушайте — весь нѣжно пляшущій полкъ, ударяя въ ладоши и довѣряя радость въ глазахъ...

Сзади, тѣснясь, изъ узкаго, стѣсненнаго жестокими суровыми бревнами переулка — его безобразіе уменьшено скатами крышъ, скворешнями и старыми ветлами, выливается, подобно весеннему пруду, толпа и наполняетъ лужайку передъ д воромъ князя. Д. б. идетъ, улыбаясь, преклоняйтесь, преклоняйтесь, и держитъ въ рукахъ тростниковую свирѣль — кружитесь, кружитесь — играя, когда онѣ поютъ: «А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ», и молчитъ, когда онѣ поютъ: «Намъ сказали, что ты не ...»

Изъ воротъ славнаго князя Солнца выбѣжали — куда, куда, — двѣ знатныхъ боярыни. Мелькаютъ кокошники, вѣнки зеленыхъ полевыхъ травъ, красныя лица, яркіе глаза, радость нѣжной и молодой толпы. Изъ узкаго переулка дѣлаетъ попытку проѣхать на конѣ богатый длиннобородый человѣкъ. Къ нему поспѣшаютъ красивѣйшія изъ дѣвушекъ — и, взявши подъ уздцы, отводятъ коня назадъ. И онъ стоитъ на конѣ неподвижно, смотря на ихъ радость, какъ осокорь на молодой ручей.

Молва. (Радостно говря). Мамонько. Мамонько. И ты пришла! И Доброслава! Видѣла нашего бога. О, какъ

я рада, что ты пришла! Видишь — вотъ онъ. Онъ сейчасъ засмѣется. Потому что я замѣтила — онъ улыбается всякій разъ, когда поютъ «что ты не богъ». Видишь, онъ сейчасъ смѣется.

Толпа. (Поетъ). ... «намъ говорили, что ты не богъ». и «... амы не вѣримъ...» и «видите, видите...» (Дѣвій богъ улыбается широко и открыто).

Молва. Мамонько, мамонько, къ нему подошла царская дочка и, открывъ покрывало, сняла, чтобъ онъ поцѣловалъ ее. Но онъ только посмотрѣлъ на нее и улыбнулся, какъ не знаю, какъ дитя. А она еще веселѣе стала скакать и еще веселѣе бить въ ладоши.

Мамонько. Хорошія коровы, а? И ведра всѣ, видишь, стоятъ на завалинкѣ, и коромысла тамъ. И наши всѣ сѣнныя дѣвушки здѣсь. Вотъ Быстрява, вотъ Зорька и Тиха здѣсь же.

Мамонько, а мамонько! Красивый нашъ богъ?

Гордята. Ну ужъ нечего сказать. Красивъ-то, красивъ, очень красивъ... да... смѣется. Что и говорить, дѣвское чудо! Такъ ты правду говоришь, что здѣсь царская дочь. Да! И она открыла свое покрывало, чтобъ онъ ее поцѣловалъ? И онъ ее не поцѣловалъ. Вотъ безстыдница! Вотъ ужъ пріѣдешь, береги свою косу! Золотую, чесаную.

Молва. А тамъ, на Перуновомъ полѣ, война. Наши братья защищаются, а наши женихи поклялись его убить. И Гомонъ тамъ, и Тишина, и Крикъ. И Смѣхъ тамъ. И Смѣхъ и онъ за насъ. А Осетръ, Вепрь, Вечеръ, Вѣтеръ, схватили мечи и противъ. И всѣ тамъ. Кто за насъ, кто противъ насъ. И только одинъ Небо остался въ храмѣ и молится тамъ. А убить его они все-таки не могутъ, потому что сначала они должны убить насъ, а потомъ ужъ его. А на своихъ невѣстъ никто изъ нихъ не пойдетъ. А нѣкоторые говорятъ, что и убить его нельзя, потому что онъ богъ. А это что. А —! (Подымаетъ воротъ рубахи, и оттуда блистаютъ надѣтыя латы). А! (Смѣется). А это что? (Подымаетъ руку, и въ рукѣ изъ-подъ цвѣтовъ блеститъ короткій мечъ).

Гордята. Ахъ ты, батюшки! До чего мы дожили! Дѣвушки въ бронѣ! Дѣвки наши мечи и латы понадѣвали.

Боярыня. О, мать, мать!

Гордята. Такъ нѣтъ же! Не ударитъ мечъ о твою звонкую кольчугу и не пробьетъ твою нѣжную грудь. Раньше пронижетъ мою сѣдую грудь и грудь вѣрныхъ нашихъ слугъ, а потомъ уже дойдетъ до тебя. Я защищу тебя, мое дитятко ненаглядное. Иди, иди, смотри на своего бога; сколько хочешь смотри, въ волю смотри и не бойся. Я, старая мать твоя, здѣсь, съ тобой. Не оставлю тебя. Сѣнныя дѣвушки, идите за ней. И за своего бога не бойся. Но посмѣютъ мальчики сдѣлать вотъ столько зла. Иди. любуйся на него въ волю. Ужъ я не выдамъ своего дитяти. И слуги здѣсь. И старая испытанная челядь здѣсь. Пой, пой.

Посторонніе поющіе. Вонъ, дѣвушки прекраснѣйшаго племени, надъ головой держа вѣнки изъ травъ, пляшутъ и поютъ: «Намъ наши глаза сказали, что ты не человѣкъ. А мы имъ вѣримъ! А мы имъ вѣримъ!» О, какое ликованіе и какая радость. Сколько веселоглазыхъ и радостноликихъ. Но что это, шумъ голосовъ на сосѣдней площади. Видно мимо частокола островерхаго забора, какъ кто-то проскакалъ на конѣ съ копьемъ и въ золотомъ шишакѣ и отступилъ. И ужъ онъ падаетъ съ коня, увлекая за собой длинное дрожащее копье. Ахъ, это Ручей упалъ, Слышимъ, слышимъ звонъ мечей. Теперь ужъ не разслышать ни богу, ни смертному, пѣсни вокругъ него. Все слилось въ общій стонъ и радость. И кружатся, и кружатся, быстрѣе можно-ли кружиться. И онъ стоитъ, улыбаясь, и держитъ въ рукахъ свирѣль.

Глаза всѣхъ запылали не своимъ огнемъ. Нѣкоторые стоятъ, отклонившись, и держатъ поднятымъ двуострый огненный мечъ. Таинственнымъ образомъ на головахъ нѣкоторыхъ заблестѣли шишаки — о, какъ прекрасна гребнистая мѣдь на смѣющихся кудряхъ. Какъ лихо надѣты шишаки, защита отъ безпощадныхъ стрѣлъ.

Молва. Мамо! Мамо!

Толпа. Все яростнѣе битва, завываніе битвы. Тамъ и здѣсь раздаются стоны. И вотъ уже изъ переулка бѣгутъ убить бога. Имъ разсыпается навстрѣчу толпа дѣвушекъ въ шишакахъ и съ мечами.

Молва. Мамо, мамо, видишь — это священная дружина!

Толпа. Онъ же беретъ въ руку свирѣль и, смѣясь ясными глазами, смотритъ на пробѣгающихъ убійцъ. Дѣвушки кружатся въ кругѣ, другія подымаютъ высоко руку и, ударяя въ ладоши, озираясь, восклицаютъ: «Богъ! богъ!.. Вѣримъ, вѣримъ! мы! мы! Смертныя, земныя!» Онъ держитъ въ рукахъ свирѣль и по-прежнему улыбается глазами, ища кругомъ взорами опасность.

Убійцы, устремленные впередъ дикимъ порывомъ, остановились, точно просыпаясь, и смотрятъ, такъ какъ повернули на нихъ желѣзо мечей, обнаживъ ихъ, защищающія ихъ шлемоносицы, и лезвіе мечей жениховъ у самаго строя невѣстъ.

Нѣсколько шаговъ отдѣляетъ строй невѣстъ въ латахъ съ звѣздами и солнцами на груди и гребнистыхъ шишакахъ на золотыхъ разсыпавшихся волосахъ и рядъ мечей, остановившихся въ разбѣгѣ жениховъ. Что будетъ? Что станетъ? Но смотрите, Гордята выбѣгаетъ изъ толпы къ дому съ руками, протянутыми въ ужасѣ, и сѣдыми, выбившимися волосами; возвращается во главѣ слугъ и заполняетъ пространство между тѣми и другими. Съ другой стороны главный жрецъ Перуна, сопровождаемый сѣдовласыми, идетъ, заставляя наклонять головы до земли и падать на землю богомольныхъ. Всѣ склоняются и самыя дѣвушки въ шишакахъ головами до земли. Онъ быстро проходитъ между ихъ рядовъ, не останавливаясь, и доходитъ до причины смуты, который стоитъ ожидая. И, наклонясь, говоритъ ему священныя слова.

Юноша передаетъ ему свирѣль и, поклонясь, идетъ за быстро удаляющимся старикомъ.

Онъ проходитъ между двухъ рядовъ взглядовъ, одного враждебнаго и полнаго ненависти, жениховъ, другого богомольнаго и благоговѣйнаго стоявшихъ на колѣняхъ въ шишакахъ дѣвушекъ.

Убійцы и невѣсты, блеснувъ глазами, встаютъ съ колѣнъ и расходятся въ стороны.

Дѣвушки. (Поютъ). Ты былъ съ нами,
мы молились тебѣ!
Ты ушелъ отъ насъ,
Мы будемъ помнить о тебѣ!

Сѣдые слуги, смотрите, смотрите.

Толпа. встаютъ съ колѣнопреклоненія и, поддерживая подъ руки залитую слезами Гордяту, близкую къ обмороч-ному состоянію, съ упавшей на плечи головой, ведутъ че-резъ опустѣвшій лугъ къ славному княжьему двору. Проно-сятъ безнадежно повисшаго руками со склоненноѣ головой умирающаго Ручья. Братья и Женихи, встрѣчаясь на площа-ди, сумрачно блестятъ глазами. Но, что это? Пріѣзжаетъ ты-сяцкій разбирать побоище и драку.

Бирючи зовутъ жениховъ и братьевъ на осударевъ дворъ для суда надъ Дѣвьимъ богомъ.

Слышите, слышите! «То есть дѣло не малое и не вѣдомо никому, кто виновнѣе въ немъ, молодцы или дѣвы и ихъ богъ. А потому ступайте малый и великій на осударевъ дворъ, и онъ васъ разсудитъ, какъ богъ на душу положитъ, великій и свѣтлый разумомъ государь».

О, сладко слушаться власти! Въ ней слышится голосъ большаго насъ разума! И ужасъ ея ослушаться. Вонъ толпы спѣшатъ на судбище, идемте и мы.

Второе.

Двое знатнѣйшихъ русичей выносятъ мечъ изъ темнаго храма на ступени, передъ кумиромъ Перуна.

Стоящій на предверхней ступени главный жрецъ. Двое ли вы несете мечъ?

И отвѣчаютъ Рудъ и Рохъ: Да, вдвоемъ, потому что од-ному не снести его.

Жрецъ. Не разрѣзается ли на двоѣ волосъ, падая на него?

Рудъ и Рохъ. Да, разрѣзается.

Жрецъ. О, Перунъ, суди чудеснымъ мечомъ, карающимъ сказавшаго неправду!

Толпа. Вонъ, вводятъ раба.

Жрецъ. Ты обвиняешься въ томъ, что ночью убилъ своего господина. Убилъ ли ты его?

Рабъ. Нѣтъ, онъ... (Мечъ падаетъ и разрубаетъ раба на части).

(Толпа падаетъ на колѣни и охаетъ въ ужасѣ. Вводятъ на возвышенье Дѣвьяго бога).

Жрецъ. (Къ толпѣ). Кто этотъ человѣкъ?

Одни. Мы не знаемъ, кто онъ. Онъ пришелъ смутить насъ. Онъ заставилъ дѣвушекъ съ мечами и въ шишакахъ устремиться противъ едва не вступившихъ въ битву съ дѣвичьей ратью жениховъ. Онъ покрылъ кровью семьи, заставляя въ распрѣ жениховъ выступать противъ братьевъ невѣстъ. И братья краснили латы другъ друга, обрызгивая ихъ кровью. Онъ прекратилъ торговлю и ходьбу на многихъ улицахъ. Онъ подвергъ расхищенію наши жилища, когда всѣ ушли. Онъ разорилъ многіе роды, заставляя дѣвушекъ въ изступленіи разсѣивать по землѣ нити жемчуга и бросать въ воду серебряныя кики.

Другіе. Онъ вноситъ смуту въ наши семьи и говоритъ, что онъ богъ.

Возражающіе. Мы не знаемъ, чтобы онъ говорилъ, что онъ богъ, но онъ заставилъ насъ увѣровать въ то, что онъ богъ и сдѣлалъ всѣхъ безумными.

Одни. Онъ сынъ рыбака и вѣдьмы.

Другіе. Его видѣли въ обществѣ съ женщиной, улетѣвшей сорокой.

Новые. Онъ сынъ казненнаго раба, смерть котораго была отсрочена на нѣсколько дней.

Другіе. Никому невѣдомо, кто онъ, можетъ быть, онъ и богъ, но онъ подлежитъ казни.

Голоса изъ толпы. Онъ человѣкъ, онъ человѣкъ!

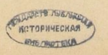
Жрецъ. Кто ты, о дѣвій-богъ?

Дѣвій-богъ. (Сохраняя неизмѣнную улыбку). Вы хотите здѣсь стоящіе, чтобъ я сказалъ, что я человѣкъ. Хорошо, я говорю: я — человѣкъ.

(Мечъ падаетъ, не поражая Дѣвьяго-бога, и остается лежать у его ногъ).

Жрецъ. (Наклоняясь, цѣлуетъ мечъ, лежащій у ногъ Д. Б., потомъ, подымаясь). О, князья Страхъ и Ужасъ, возьмите мечъ и положите въ руки Перуну. (Къ отроку). Быть можетъ, ты скажешь, что ты богъ?

Дѣвій-богъ. (Наклоняя голову съ улыбкой, чуть слышно). Да.

(Всѣ жрецы, князья, толпа припадаютъ взглядами къ мечу. Жрецъ молчитъ, смотря, выжидая и поднявъ руки. Взоры всѣхъ, слѣдя за мечомъ, подымаются все выше и выше).

Жрецъ. Онъ не упалъ.

Толпа. О! О! О!

Кто-то. Слышите! Слабый женскій голосъ, несущійся изъ толпы: богъ. И всюду многіе съ внезапной вѣрой восклицаютъ: онъ богъ! И уже рождается какая-то буря голосовъ, то утихающая, то разрастающаяся, сливающаяся въ одинъ голосъ: онъ богъ!

Дѣвій-богъ. (Съ улыбкой). Нѣтъ, ячеловѣкъ.

Кто-то изъ толпы. Мечъ не упалъ.

(Жрецъ склоняется на колѣни и цѣлуетъ край одежды стоящаго Дѣвьяго-бога).

Изъ толпы. Какъ можно быть сразу и богомъ, и человѣкомъ? Онъ безбожникъ и оскорбляетъ святыню.

Молодыя Очи. Не онъ безбожникъ, а мечъ не священенъ.

Жрецъ. Кто сказалъ, что мечъ обманываетъ?

Молодыя Очи. Я. (Движеніе въ толпѣ). О, кто бы ты ни былъ, и какое бы имя ни присваивалъ себѣ, дай встать подъ судящимъ мечомъ отроку.

(Выходитъ изъ толпы женихъ съ русой бородой и черными блестящими глазами).

Молодыя Очи. Вотъ я встаю на это, уже не святое мѣсто...

(Голоса въ толпѣ кричатъ: «Мечъ задрожалъ, мечъ задрожалъ, бойся».

Жрецъ. Не дѣлай напраснаго опыта, человѣкъ.

Молодыя Очи. Старикъ! Солгалъ, не заклавшій мечъ. (Вставая). Задай мнѣ нужные вопросы.

Жрецъ. (Стоитъ съ грустной улыбкой).

Молодыя Очи. Ну, чтожъ, я самъ себя спрошу. (Подымая глаза къ небу). Кто я, здѣсь стоящій? Я богъ. (Мечъ падаетъ и разрубаетъ его на части, уроненный золоченымъ кумиромъ съ обнаженными зубами и сердитымъ видомъ).

(Толпа молчитъ).

Жрецъ. О, кто-бъ ты ни былъ. Мы смертны, и не боги

Ты пришелъ смутить насъ и лишилъ возможности жить намъ такъ, какъ велѣли боги. Уйди отъ насъ.

(Дѣвій-богъ склоняется на колѣни и цѣлуетъ край одежды жреца).

Старикъ изъ толпы. Отче святой! Пусть боги... Пусть мечъ низверженный богомъ, за дерзкое слово казнилъ Молодыя Очи, но этотъ принесъ намъ зло, онъ отнялъ у насъ невѣстъ и подлежитъ за это казни.

Слабые голоса. Онъ правъ!

Дѣвій-богъ. (Смѣясь). Онъ правъ.

Жрецъ. Хорошо, да будешь ты судимъ по человѣческому закону. За нашу смуту, побоище и распрю ты подлежишь смертной казни и ты ее примешь, если на то будетъ воля твоя. Честные, о мужи! Тотъ, кто стоитъ здѣсь присудилъ себя по законамъ нашимъ къ смертной казни. Да будетъ воля его.

(Ведутъ его со связанными руками на лобное мѣсто. Колыхаются подобно водамъ толпы народа. Многіе молятся. Читаютъ молитвы. Зажигаютъ костеръ подъ стоящимъ Дѣвьимъ-богомъ обреченные мрачные преступники).

Устремляющіеся изъ переулка люди. Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! Вы предаете смертной казни неизвѣстнаго, когда онъ безчинствуетъ на другомъ концѣ города. Онъ собираетъ толпы зачарованныхъ дѣвушекъ и поетъ и разсказываетъ о звѣздахъ, показывая рукой, и пляшетъ. Такъ они безумствуютъ вмѣстѣ. И опять уже загораются схватки жениховъ и братьевъ, какъ свѣтящееся море передъ грозой.

Завѣдующіе казнью. Мы казнимъ казнью согласно съ его волей и не въ противорѣчіи съ людскими законами.

Новоприбывшіе. Ты притворяешься неизвѣстный! Ты не Дѣвій-богъ!

Дѣвій-богъ. Ты правъ, я не Дѣвій-богъ.

(Выскальзываетъ изъ рукъ и подымается къ небу облакомъ).

Третье.

(У Князя-Солнца).

Гордята. (Къ Молвѣ). И тебѣ не стыдно! Ужъ

солнце закатилось, ужъ заря потухла, а ты только возвращаешься. Ужъ наше сердце истомилось, тебя ожидаючи.

Молва. А, мамо, что было! Въ то время, какъ казнили Невѣдомаго, принявшаго образъ Дѣвьяго-бога, мы съ нимъ весело проводили время на холмахъ, за городомъ. Онъ досталъ гдѣ-то подсолнечникъ и сидѣлъ съ нимъ въ рукѣ на холмѣ и, отрывая лепестки, гадалъ, сколько намъ лѣтъ. Послѣ мы пѣли, плясали, кружились вокругъ него и костровъ, а когда мы ушли, то пришли нищія и собрали много жемчуга, который мы насыпали, срывая съ себя, ему въ руку, а онъ бросалъ, слѣдя за полетомъ, и смѣялся, когда полетъ былъ красивъ, и лалы, блеснувъ, разсыпались по землѣ. Намъ всѣмъ было очень пріятно отдавать жемчугъ, но совсѣмъ не пріятно, когда эти противныя нищія собрали и надѣвали на шеи съ кожей грубой, какъ колѣно верблюда.

Гордята. А твои жемчуга гдѣ? Какъ, ты тоже раскидала жемчугъ!

Молва. Конечно! Неужели я останусь сидѣть, какъ глупенькая, когда всѣ подходили и насыпали ему жемчугъ въ руку.

Гордята. Но вѣдь это твоей прабабушки.

Молва. Ну такъ что-жъ, что прабабушки. (Смѣясь). Зато я внучка.

Князъ Солнце. Ну и ну!

Молва. Мы всѣ думали, что это былъ просто человѣкъ, и не могли понять, зачѣмъ его судили. Такъ какъ юноши объединились въ общемъ замыслѣ убить его тайно, во время сна, то его охраняетъ отрядъ мѣдью облаченныхъ подругъ, и онъ заснулъ съ своимъ подсолнечникомъ, окруженный неспящими съ блестящими при лунѣ латами и шлемами. Его невозможно найти, т. к. онъ скрылся, окруженный дѣвичьей ратью въ Священной Рощѣ на бѣсовыхъ холмищахъ. И то мѣсто со всѣхъ сторонъ окружено деревьями.

Княжичъ Шумъ. Вотъ я пойду и скажу это.

Молва. Это будетъ подлость, и ты будешь сыщикъ. (Продолжая разсказывать). Засыпая, онъ почему-то велѣлъ завязать себѣ глаза. Почему-то разсказываютъ, что въ 12

часовъ онъ проснется и пойдетъ съ подсолнечникомъ въ рукѣ, съ завязанными глазами по лунной тропѣ.

Гордята. А какъ онъ одѣтъ?

Молва. Во-первыхъ, онъ не разстается со своей дудкой, которую онъ срѣзалъ изъ тростника, которому молится. Затѣмъ въ бѣлую рубашку и бѣлые портки, бѣлые онучи и лапти. За поясомъ у него свирѣль и гребень и ножикъ для срѣзанія луковъ, изъ которыхъ онъ училъ насъ стрѣлять.

Вообще онъ нисколько не походитъ на бога; это просто очень, очень милый молодой человѣкъ.

Старый князь. Молодчикъ.

Мать Гордята. Оладьи съ сушеными грушами покушай — проголодалась, набѣгалась.

Молва. Нѣтъ, я ужъ больше не хочу; меня, кажется, кто-то зоветъ.

Гордята. Смотри, опять не уйди съ нимъ на Священную Гору.

Молва. (Уходя). Было бы страннымъ...

Горничная. А княжна вѣдь ушла! Да! Приказали мнѣ принести сулею вишневаго варенья, да платочекъ потеплѣе и объявили, что они изволятъ угостить своего бога вареньемъ. И еще взяли свою вышивку, чтобы не было скучно сидѣть, если назначатъ часовымъ.

Гордята. (Подымаясь). Я же говорила! Я же говорила!

Княжичъ. Однако, это я не знаю, что такое. (Ходитъ по комнатѣ). Ходитъ по ночамъ! Эти вольности доведутъ, я не знаю, до чего. Какой-то бродяга. Я пойду и убью его.

Князь Солнце. Ну, не такъ-то скоро. Однако, нужно принять мѣры. (Одѣвается и уходитъ).

Третье.

Свѣтелка, наполненная по большей части безусыми вооруженными юношами.

Одинъ съ приподнятой смѣшно губой и устремленными поверхъ слушателей глазами:

Вотъ что, этому нужно положить конецъ! Вамъ извѣстно,

что бродяга, отрокъ ничѣмъ, рѣшительно, не выдающійся, ничѣмъ не отличающійся, завладѣлъ, или, вѣрнѣе, похитилъ сердца всѣхъ прекрасныхъ барышень столицы. Мнѣ достовѣрно передавали, что тамъ ничего предосудительнаго не происходитъ — они просто собираются и проводятъ время вмѣстѣ, какъ если бы у нихъ отняли половину ихъ лѣтъ. Но что ихъ ожидаетъ въ будущемъ! Что съ честью ихъ, и ихъ семей. Да, мы должны ихъ убить. Его участь рѣшена не нами. Мы только исполнители. Его не слѣдуетъ порочить. Но и не слѣдуетъ щадить. Онъ долженъ пасть. Но, говорятъ, тамъ есть отрядъ вооруженныхъ дѣвушекъ. Какъ съ ними поступить. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ станутъ своего любимца. Я предлагаю поднять мечъ и на нихъ, но пусть кто убьетъ не его, упадетъ грудью самъ на мечъ. Я кончилъ. Несогласныхъ съ моимъ предложеніемъ, прошу поднять руку. Разъ... два... При одномъ воздержавшемся, 7 за, 2 противъ. Угодно собранію...

Остальные. Мы согласны.

Княжичъ Шумъ. Я пришелъ къ вамъ. Я знаю, гдѣ онъ. Онъ въ Священной Рощѣ. Мнѣ сказала объ этомъ сестра.

Предсѣдательствующій. Я поздравляю васъ съ сообщительностью, которая привела васъ сюда, и предлагаю собранію вернуться къ порядку дня.

Вошедшій. Въ чемъ цѣль вашего собранія?

Предсѣдательствующій. Мы рѣшили переселиться въ души нашихъ предковъ. Для этого мы перешли въ прошлое на 11 вѣковъ. Но пришелъ онъ и смутилъ нашъ покой. Мы обсуждаемъ способы, опираясь на мечъ, возстановить покой.

Четвертое.

Высокая роща священныхъ дубовъ. На сучкахъ нѣкоторыхъ кумирообразныя изображенія боговъ. На холмѣ спитъ Дѣвій-богъ, окруженный бодрствующими дѣвушками въ латахъ.

Княжна Молва. Вотъ и я. Я принесла вамъ вишневаго варенья, а сама закуталась въ теплый платокъ. Хотите?

Одна. Благодарствуемъ.

Молва. Когда проснется учитель, я угощу его вареньемъ.

Одна. (Приподымая голову). Онъ спитъ еще. Какъ хорошо свѣтятся на горѣ наши жемчуга, сорванные нами съ себя, словно свѣтляки на холмѣ. Но (прикладывая палецъ къ губамъ) тише. Онъ подымаетъ голову. У него на глазахъ повязка. Онъ идетъ, спускаясь къ намъ съ холма, и держитъ въ рукахъ свой подсолнечникъ. Нѣтъ, онъ направляется въ лѣсъ, куда ему повелѣваетъ итти падающая съ неба полоса свѣта. Идемте быстрѣе за нимъ. (Блестя латами, дѣвушки всходятъ за холмъ, чтобъ итти за нимъ).

1-ая латница. Онъ идетъ и точно спитъ.

2-ая латница. Онъ идетъ, держа руку, точно его ведетъ за нее чья-то большая рука.

3-я латница. Онъ проходитъ между деревьевъ, посвященныхъ Леунѣ.

2-ая латница. Идемте же выстрѣе, т. к. его можетъ ожидать опасность.

1-ая латница. Кто это между нами. Она появилась вдругъ тамъ, гдѣ она сейчасъ, ни откуда не приходя. Смотрите, смотрите, я черезъ нее прохожу, и она возникаетъ тотчасъ за мной. Въ рукѣ ея копье, а на станѣ легкій плащъ.

2-ая латница. И я тоже. Я пересѣкла ея копье, и оно тотчасъ же сомкнулось за мной.

3-ья латница. Я свободно прохожу черезъ нее, но смотрите, не держитъ ли она на привязи двухъ гончихъ, двухъ быстрыхъ собакъ.

Всѣ. Да, держитъ.

3-ья латница. Но всмотритесь, не возникаютъ ли на его головѣ рога и не бѣжитъ ли онъ, преслѣдуемый бѣгомъ оленя.

Всѣ. Да, онъ бѣжитъ, какъ преслѣдуемый, и надъ нимъ рога. Да, мы видимъ, онъ гонимый олень.

Нѣтъ, это намъ показалось, потому что снова онъ идетъ, держа въ рукѣ золотой цвѣтокъ, какъ всегда, какъ всегда — тотъ.

Дѣвій-богъ. О, дѣвушки, вы собрались вокругъ меня, какъ цвѣты вокругъ ручья, который имъ звенитъ, но холо-

денъ, теперь же я иду къ той, къ которой я цвѣтокъ, поворачивающій къ ней голову, какъ къ ночной Леунѣ.

Нѣкоторыя латницы. Онъ поетъ! Да! Къ намъ холодный, онъ идетъ къ той, которая будетъ холодна къ нему. О, бездушная Воля! О, попирающая людскія души Судьба! Мы разбросали свои жемчуга, сравнивъ ночной холмъ въ блескѣ съ звѣзднымъ небомъ. Мы истребили свои души въ богослуженіи ему, онъ же остался холоденъ и идетъ къ той, которая будетъ холодна къ нему и передъ которой бросаетъ свои слова и чувства, какъ снятый съ шеи жемчугъ.

О, несправедливая, злая Судьба, О, бѣдныя, бѣдныя мы. Не оставить ли намъ его. Не пойти ли къ нашимъ близкимъ, братьямъ и сестрамъ, оплакивающимъ насъ, сидя у вечерняго огня. Нѣтъ, потому что и горе наше сладчайшій медъ, который мы когда-нибудь пили и несправедливо оставить его одного въ темной рощѣ съ цвѣткомъ въ рукѣ, среди, можетъ быть, подстерегающихъ убійтъ. Идемте по темной рощѣ, подымаясь и спускаясь по холмамъ, и пусть изображенія боговъ, смотрящихъ съ вѣтокъ, будутъ свидѣтелями вѣрности дѣвичьей рати ему несравненному, ему ненаглядному.

Смотрите, дѣвушки, здѣсь рѣка. Кто, невидимый, оставилъ здѣсь челнъ, гдѣ его никогда не бываетъ, оставивъ столько мѣстъ, сколько насъ присутствующихъ.

И кто сѣлъ, молчаливо сѣлъ у кормы, благодаря чему челнъ самъ идетъ поперекъ волнъ, безъ помощи чьихъ-либо веселъ. То Рокъ. То, видно, онъ принялъ на себя трудъ перевозчика, чтобы облегчить намъ выполненіе его указаній.

Ахъ, таитесь дѣвы, боязливо и страшно въ страшномъ присутствіи Рока. Вотъ молчаливо и прозрачно свѣтится онъ на носу челна, предвѣщая страшное. И куда мы стремимся по волнамъ, не знаемъ.

Лейтесь за нами струи и донесите о насъ печальную вѣсть нашимъ семьямъ, т. к. мы плывемъ ведомыя Рокомъ.

Но рѣка надвигается туда, гдѣ раньше была улица. И вотъ уже мы на сушѣ. Но что. Не ищущіе ли вездѣ убійцы мелькнули сзади насъ. Сестры, сестры, пора намъ доказать, что не напрасно эти руки взяли мечъ и что не робкое сердце защищаютъ эти латы. Ахъ, какъ ярокъ свѣтъ свѣточей и это рокъ,

что каждая изъ насъ встрѣтила здѣсь своего оскорбленнаго поклонника.

Но мы не нарушимъ законовъ человѣческихъ и каждая изъ насъ выберетъ лишь чужого друга.

Какъ ужасенъ свѣтъ свѣточей!

Какъ, неужели съ ними и наши братья!

Увы намъ! Но нѣтъ, они вкладываютъ мечи въ ножны и остаются въ отдаленіи. Счастье, счастье, что готовая вспыхнуть война между единокровными отодвинута отъ насъ на сколько дней! на сколько миговъ! А онъ, божественный, все идетъ и снова имѣетъ видъ оленя, и снова между нами его лунная съ двумя гончими воительница. Славьте, дѣвы, судьбу и предотвращенное нарушеніе всѣхъ людскихъ законовъ. А онъ все идетъ, и не кажется ли вамъ, точно онъ дрожитъ, останавливаясь.

Да, онъ остановился. Но въ то время, изъ-за переулка, гдѣ рога многихъ жертвъ охоты, придаютъ переулку видъ лѣса, показывается зарево свѣточа.

Ужъ не ищущіе ли его убійцы показались оттуда. Нѣтъ, это дѣва! Но не коварный ли замыселъ затаила она. Или это кто-нибудь переодѣтый въ дѣвичье платье. Нѣтъ, ея лицо слишкомъ прекрасно, она слишкомъ прекрасна и лицомъ, и станомъ. Смотрите, онъ дрожитъ.

Смотрите, божественая гонительница уже настигаетъ его гончими. Смотрите, онъ протягиваетъ ей цвѣтокъ, зачѣмъ. Нечаяннымъ движеніемъ она спалила его цвѣтокъ. Она не замѣчаетъ его и идетъ дальше, ослѣпленная свѣтомъ своего пламени, не замѣтивъ его и, торопясь, входитъ въ калитку. Ахъ, уже гончія настигаютъ его, и онъ падаетъ, издавая страшный крикъ. Пронзительный, ужасный крикъ. Онъ лежитъ терзаемый лунной охотй.

Жалко его. И гдѣ его лицо! Оно искажено судорогой, и не узнаемъ мы въ немъ его. О, несемте ласково его, страждущаго, въ ближайшее жилище.

И ласковыми заботами постараемся отвратить неотвратимый ударъ страшнаго рока.

И гдѣ божественная гонительница.

Ея нѣтъ, какъ нѣтъ ея гончихъ собакъ. Кончена охота.

Къ тебѣ же, гордой, мы затаили безпощадную месть. И лишь неизвѣстное намъ сердце Милаго мѣшаетъ растерзать тебя мечами и умчать тебя, окровавленную и преслѣдуемую, въ рощи.

Ночной дозоръ. Кто здѣсь въ латахъ и съ мечами въ позднее время? И кто лежащій съ опаленнымъ цвѣткомъ и лицомъ, искаженнымъ отъ мукъ, на землѣ? Ужъ не Дѣвій ли это богъ! Да это онъ! Да будетъ ему извѣстно, что за великую распрю, внесенную въ наши семьи, онъ обреченъ на смертную казнь, но что въ его волѣ, т. к. никому не вѣдомо, кто онъ, божественной ли онъ природы, или нѣтъ, подчиниться суду или не принять его.

Дѣвій-богъ. (Слабымъ голосомъ, т.и.х.о). Я не принимаю казнь.

(Начальникъ дозора и всѣ склоняютъ головы).

Начальникъ дозора. Вамъ же, латницы, повелѣно прекратить ночныя сборища и вернуться въ ваши семьи и быть снисходительнѣй къ земнымъ юношамъ и быть ласковѣй до ихъ домогательствъ. Сейчасъ же можете перенести его въ частное жилище и ухаживать за нимъ и исполнить все, что повелѣваетъ вамъ состраданіе и ваша природа по отношенію къ тому, надъ которымъ тяготѣетъ рокъ. Идите, княжескія и царскія дочери, въ ваши жилища.

Воины дозора. О, прекрасное зрѣлище. Прекраснѣйшія дѣвушки знаменитѣйшаго племени въ латахъ и съ мечами и съ шишаками на головѣ, озаренныя пламенемъ колеблемыхъ свѣточей.

Мы думали, что только въ сказкахъ и божественныхъ истинахъ возможно это. Но и невозможное бываетъ. И тотъ жалкій! жалкій! Несчастный, несчастный! Вчера счастливѣйшій, сегодня несчастнѣйшій изъ смертныхъ, лежащій на землѣ съ лицомъ, поднятымъ къ небу, и съ кудрями, смѣшанными съ грязью.

Учитесь, люди, горечи земного, даже когда оно личина!

Но беремте носилки, чтобы отнести его въ ближнее жилище.

Пятое.

(Башня-пристройка).

Любава. (Перечитывая письмо). Вчера я встрѣтилась съ безумцемъ, который протянулъ мнѣ цвѣтокъ. Испуганная нечаяннымъ движеніемъ свѣточа, я спалила неосторожно цвѣтокъ и, вѣроятно, испугала его, потому что онъ испустилъ стонъ, похожій на тѣ, которые издаются во снѣ. Можетъ быть, что былъ Дѣвій-богъ. По крайней мѣрѣ, за нимъ стояло много дѣвушекъ въ латахъ со свѣточами въ рукахъ, столь прекрасныхъ и знатныхъ, что я могла пройти мимо нихъ только съ потупленными глазами. Онѣ же бросали на меня взгляды ненависти и презрѣнія. Если это тотъ отрокъ, о которомъ я такъ много слышала, то я, вѣроятно, заслужила взгляды.

«Страшно мнѣ бродить одной по тропинкамъ судебъ», какъ говорилъ мой учитель.

Вчера я встрѣтилась еще съ однимъ юношей (это было до того) и сегодня жду съ нимъ новой встрѣчи. Сердце сладко бьется. Хотя я на той высотѣ и на той тропѣ, откуда падаютъ только со смертью.

Всего лучшаго, Зорелюба. Передай также лучшія пожеланья брату Сновиду и попроси его пріѣхать, чтобъ быть свидѣтелемъ моего счастья или несчастья». Все. О старушкѣ Весеннія Глазки не упомянула, но это потомъ.

Достаточно ли на мнѣ чистое платье. И достаточно ли я прибрлаа свои волосы. И что все это значитъ.

Вѣдь не по своей же волѣ юноша съ повязанными глазами шелъ ко мнѣ, презрѣвъ столько опасностей изъ темной рощи, гдѣ подъ изображніями боговъ его подстерегали, можетъ быть, убійцы. Такъ и мое сердце не покоится ли въ чьихъ-то сильныхъ рукахъ. Но оно довѣрчиво и не бьется сильнѣе обыкновеннаго.

Что будетъ, что будетъ сегодня. Не надѣть ли мнѣ другое платье. Нѣтъ, въ дѣтствѣ меня пріучали къ скромности, и то платье, которое на мнѣ, не превышаетъ моихъ понятій о строгомъ и благородномъ вкусѣ. Пойду такой, какой я одѣта сей-

часъ. (Запираетъ на ключъ дверь и идетъ по дорогѣ). Мнѣ нужно пройти: мимо города на холмѣ по тропинкѣ среди рощъ сосенъ и дубовъ, гдѣ храмъ Черной Смерти.

О, какое страшное имя! Но почему только сейчасъ замѣтила я его? Только произнесла, и все уже окрасилось въ темный цвѣтъ и стало мрачнымъ. Нѣтъ, нельзя быть такой вѣтреной. Вотъ и подъемъ на гору. Но что это предшествующій толпѣ старцевъ и дѣтей со взоромъ прекраснымъ и страшнымъ, нѣтъ, не страшнымъ, ужаснымъ. Отчего его черный взглядъ прикованъ ко мнѣ?.. Почему черты его исполнены какого-то совѣта бѣжать и какимъ-то гнѣвомъ. Почему его глаза исполнены той же ненавистью, которой горѣли вчера глаза дѣвушекъ въ латахъ. Или бѣжать мнѣ, страшась этого взора? Или бѣжать мнѣ безъ оглядки и съ протянутыми впередъ руками по склону зеленаго холма отъ этого взгляда? Или бѣжать мнѣ? Но вѣдь это онъ! Это онъ! Что такъ страшно измѣнило его взглядъ. Нѣтъ, съ горькой рѣшимостью замкну свое сердце и пойду навстрѣчу неумолимому взгляду и встрѣчу его поцѣлуемъ, какъ съ утра велитъ мое сердце. Ты, сіяющій вдали. Я иду къ тебѣ. Но не та же ли толпа дѣвушекъ показывается тамъ. И не этотъ ли вчерашній стоитъ тамъ со взглядомъ ужаснымъ и вотъ опускается на колѣни и поникаетъ волосами до земли и снова встаетъ, закрываетъ лицо руками и смотритъ глазомъ ужаснымъ и плачетъ. И почему кто-то машетъ руками съ отчаяннымъ видомъ — тотъ самый дальній...

И почему какая-то хромая уродливая старушка со взоромъ злобнымъ стремится съ поля пересѣчь мнѣ путь и кричитъ, чтобъ я остановилась, явно желая опередить меня. Нѣтъ! О, какъ прекрасенъ Дѣвій богъ, нынѣ стоящій безъ повязки съ лицомъ печальнымъ и впереди своихъ хранительницъ.

И для того ли я вчера отвергла его мольбы, чтобъ сегодня отказаться отъ того, кому я была вѣрна вчера и сейчасъ.

И кто все превзошелъ собой. Но для чего все наростаетъ печаль и бѣшенство въ печальныхъ и одинокихъ глазахъ и искривляется страданіемъ. Онъ замедляетъ шагъ, задерживая ноги, явно, чтобы дать старухѣ горбатой и уродливой опере-

дить меня, но я сама устремляюсь впередъ, я сама поспѣшаю навстрѣчу ему, убыстряя шаги къ нему, единственному, допустившему такое соревнованіе. Но я ближе, но я вижу, какъ загораются глаза такой силой прощенья, такой любовью, послѣ которой самое ужасное простимо и легко.

О, я вспоминаю обряды Чумноуста и, гордая, иду навстрѣчу имъ. Только отчего рыдаетъ Дѣвій-богъ, поднося къ головѣ руку, и слезы на глазахъ дѣвушекъ въ латахъ.

Прочь! Прочь! Костлявая старушка, хватающая меня за руку... Ты видишь, я отталкиваю тебя, заставляю тебя со смѣхомъ падать на землю. Но ты задерживаешь меня, хватаясь за полу. Напрасно!

Хоръ присутствующихъ. Свершилось! О, почему не старецъ, не больной, не больной, не преступившій законовъ совѣсти.

Почему красивѣйшая дѣвушка, отвергшая, побуждаемая рокомъ, домогательства Дѣвьяго-бога, его который былъ равнодушенъ ко всѣмъ земнымъ, бросавшимъ на его пути ожерелья, встрѣчается ему на этомъ пути, неся «да», осужденному молчать.

Ея часъ сочтенъ!

Напрасно взоры всѣхъ говорили ей «бѣги»! Напрасно лица другихъ изображали ужасъ и печаль. Напрасно дальній машетъ ей рукой, указывая ей путь жизни, послѣдній изъ возможныхъ.

Напрасно старалась опередить старая и тяготившаяся жизнью женщина.

Она была осуждена!

О, плачьте, юноши, одной невѣстой стало меньше.

О, плачьте, дѣвушки, одной сестрой стало меньше.

Нынѣ она въ рукахъ жрецовъ, отравленная вѣчно молодымъ лобзаньемъ Чумногуба, переданнымъ ей ужасно изъ устъ въ уста юношей. Ей дадутъ противоядіе и на полчаса она будетъ весела и жива. А юноша уже мертвъ. Мертвый лежитъ онъ у ея ногъ. Конченъ данный ему срокъ быть не мертвымъ. Такъ кончилась игра двухъ смертныхъ.

Дѣвій-богъ. Вы, сердцами которыхъ я, пренебрегая,

игралъ, вы, бывшія свидѣтелями ужасной ночи, вы, охранявшія меня отъ ночныхъ убійцъ,

Я поведу васъ на вершины горъ и на хребетъ моря, и въ ущелья подземнаго царства. Я буду будить васъ на утренней зарѣ и, баюкая, усыплять на вечерней. Морская волна не сумѣетъ болѣе точно отразить звѣзды, чѣмъ я ваши желающія души,

Лишь слѣдуйте за мной, какъ за вождемъ,

Лишь помогите мнѣ отмстить за смерть милой.

Отрядъ латницъ. Слышите, слышите, какіе призывающіе къ битвѣ звуки умѣетъ онъ извлекать изъ своей тростниковой свирѣли.

Въ него вселился кто-то другой, такъ какъ онъ не похожъ на себя. Вотъ онъ бѣжитъ, преслѣдуемый проклинающими жрецами, по крутой дорожкѣ вверхъ. Какіе доспѣхи на немъ. Какое копье въ его рукѣ. Нѣтъ, это только такъ кажется. Это солнце золотитъ его кудри.

О, смотрите, смотрите, скачетъ по гребню горы олень, и его снова преслѣдуетъ гонительница съ двумя собаками на привязи.

То не страшная ли охота воскресаетъ передъ нами.

Но что дѣлать съ тѣми, кто попытается противоборствовать мѣди мечей отравленными чумой устами.

Бѣгите вы, Отвага, Улыбка, Сила, напрягая колѣна, вслѣдъ за ними и дѣлайте, что вамъ подскажетъ ваше сердце, не тщетно перемѣнившее прялку на желѣзо.

Мы же попытаемся противоборствовать показавшимся убійцамъ, но намъ кажется, что среди нихъ и собравшіеся цари нашей страны.

Ужъ не исполняется ли древнее пророчество: «Моръ омертвитъ падая склоны горъ, когда поцѣлуи возстанутъ на мечи, противоборствуя.

Горе. Тогда темная участь предстоитъ намъ, скитальцамъ, вѣрнымъ своему вождю и въ изгнаніи. И тогда о своей участи мы давно уже читали въ дѣтскихъ сказкахъ. Сколько встрѣчъ, сколько чудеснаго.

Но они вбѣгаютъ на площадку святилища. Слѣдуетъ и намъ поспѣшать туда.

(Площадка передъ изваяніемъ Чумнобога подъ сѣнью, усыпанной черными камнями, стоящаго держа руку на желѣзномъ посохѣ. Черныя губы, блестятъ, помазанныя свѣжей кровью).

Пробѣгающіе жрецы, окружающіе вереницей въ бѣлыхъ одеждахъ своего бога:

Прочь, безумная чернь!

Главный жрецъ. Назадъ, смертный!

Дѣвій-богъ. Здѣсь нѣтъ смертнаго.

Жрецы. Увы, сблизилось то, что мы ожидали. Пора намъ удивляться себѣ. Такъ какъ никому не извѣстно болѣе будущее, чѣмъ намъ, но и мы остаемся вѣрны року и не вамъ, земныя дѣвушки, а богу Чумноусту достоитъ нашъ послѣдній поцѣлуй. Мы совершаемъ древле обѣщанное и возвѣщанное. И не удивляйтесь намъ, такъ какъ мы тоже заимствуемъ свои силы не у людей. Мы хотимъ быть достойными нашихъ боговъ.

(Жрецы въ бѣлыхъ одеждахъ быстро пробѣгаютъ мимо бога и, цѣлуя его въ губы, скатываются внизъ по ступенямъ мертвые).

Дѣвій-богъ. Дѣлайте свое послѣднее земное дѣло такъ, чтобы мы, наблюдая васъ, могли удивляться вамъ и разсказать о васъ въ пѣсняхъ. Мы, не умирающіе, смотримъ на васъ, умирающихъ.

Знайте объ этомъ.

Дѣвы. Ахъ, опять среди насъ воительница, сдерживающая до нужнаго времени неутолимыхъ гончихъ. Видно, мы передъ страшнымъ.

Дѣвій-богъ. Да, мы передъ величественнымъ и наканунѣ страшнаго.

Главный Жрецъ. О, живые еще воины Чумноуста.

Устремитесь въ послѣдній разъ съ отравленными устами на пришельцевъ, кто бы они ни были.

Дѣвы. Что намъ дѣлать! Можемъ ли мы поднять мечи на старцевъ, устремившихся на насъ съ поцѣлуями.

О, какой ужасный рокъ сдѣлалъ насъ участниками въ войнѣ поцѣлуевъ и желѣза! Нѣтъ, уронимъ желѣзо и, закрывъ лицо руками, отдадимся неизбѣжному. (Дѣлаютъ это).

Присутствующіе. Уже умолкъ главный жрецъ, уже прозвучали закрывшія лицо руками, а жрецы все еще продолжаютъ свой страшный бѣгъ мимо лобзающаго кумира, и вотъ уже послѣдній изъ нихъ низвергся, скатываясь съ красными глазами, бѣлой бородой по ступенямъ храма. И все тихо. Однѣ стоятъ съ завернутой въ плащъ головой или же съ заслоненными отъ ужаса глазами, другой съ дерзко протянутой рукой устремляется къ кумиру, и тотъ падаетъ шатаясь въ бездну, ибородатый еврей съ мѣшкомъ змѣй, растерявшись, остается на мѣстѣ. Но легкимъ движеніемъ, кто-то отсѣкаетъ ему голову, и она лежитъ, шевеля вѣками, среди расползающихся съ шипомъ змѣй.

А между тѣмъ подымаются снизу цари и воины.

А между тѣмъ жрецъ смотритъ глазами безумными и печальными и тихо идетъ, потупя бороду, къ пришельцу.

Тотъ смотритъ загадочно-открыто, и жрецъ наклоняется къ нему шептать тайну и вдругъ, расхохотавшись, касается его устъ своими. Но тотъ смѣется. Жрецъ падаетъ, откидываясь назадъ, на руки прислужниковъ, и умираетъ. Но нѣтъ, этого еще нѣтъ. Это еще только наше воображеніе. Еще только отошелъ отъ кумира жрецъ и идетъ мимо стоящихъ неподвижно дѣвушекъ съ плащами на головѣ. Къ спокойно стоящему Дѣвьему-богу идетъ онъ. И что будетъ? Дальше что! Несетъ онъ съ потупленными глазами смерть и блѣдный и смѣющійся будетъ сражаясь падать, встрѣтивъ лобзаніе, или бѣжать. Но бѣжать онъ могъ бы и раньше. Но у него нѣтъ оружія!

Да, мы видимъ, твоя близка казнь, и правитъ гончихъ твоя спутница! Медленно движется жрецъ, задерживаемый какой-то силой.

Но уже приходятъ цари и уже бѣгутъ убійцы.

И куда бѣжать, когда спереди старецъ приближается съ чумными устами, сзади напряженно дрожащіе луки и прильнувшія къ нимъ головы злыхъ людей. Такъ закрыть голову плащомъ осталось ему.

Но что это. Падаетъ на землю жрецъ, несшій смерть, и невредимъ отрокъ и стоитъ не шевелясь.

Нарочно ли перемѣнили цѣли стрѣлки или это вина невидимой власти, измѣнившей вѣрные луки.

Не знаемъ, бѣдныя, но отрокъ стоитъ невредимъ, и уже цари приходятъ прикрыть его щитами.

И кто-то, не будучи въ состояніи вынести происходящаго, бросился въ пропасть.

Цари. Свершилось. Обреченными выполненъ заданный имъ урокъ, живые же смотрятъ на нихъ и поучаются. Вы же, безумные юноши, сложите мечи и копья. Не вамъ дано право карать и миловать. Тотъ же, на кого направлена ваша молодая ярость, пусть уйдетъ отсюда въ изгнаніе. Волны, которыя бьются о подножіе этой горы, донесутъ его по теплаго моря, гдѣ въ скитаньяхъ съ своими спутницами онъ найдетъ конецъ свѣтлый и чудесный, какой возвѣщенъ ему въ древнихъ сказкахъ. Спросите его, открывающія свои головы отъ плащей и рукъ, принимаетъ ли онъ нашъ судъ.

Дѣвій-богъ. (Подымая голову). Да.

Цари. Тогда спускайтесь къ волнамъ, на которыхъ качаются челны со всѣмъ нужнымъ для васъ.

(Дѣвій-богъ и латницы спускаются).

(Цари остаются и смотрятъ на нихъ).

ПАМЯТНИКЪ.

Далеко на островѣ, гдѣ русской державѣ
Вновь угрожалъ урокъ или ущербъ,
Сталъ появляться призракъ мѣжавый,
Стаи пугая робкихъ нерпъ.
Онѣ устремлялись съ плачемъ прочь,
Бѣлое пятно имѣя наѣздникомъ.
Межь тѣмъ какъ сверху слѣпо ночь
Имъ освѣщала путь отзвѣздникомъ.
Синеокая дочь молоканъ,
Зорко красныя губки,
„Ишь, какой великанъ“!
Молвивъ, пошла, поплыла въ душегубкѣ.
Вонъ ладья и другая:

Японцы и Русь.
Знаменье битвы: грозя и ругая,
Они подымаютъ боя брусь.

Тогда летѣли другъ къ другу лодки,
Пушки блестѣли какъ лучины.
Имъ не былъ страшенъ голодъ глотки
Бездной развернутой пучины.

Ревъ волнъ былъ дальше, глуше
Ревѣли, летѣли надъ моремъ олуши,
Грузно освѣщая темь и бѣлыя,
Какъ бы вопрошая: вы здѣсь, что дѣлая?

Тюлени взглядывали глазами мужа,
Отца многочисленнаго семейства.
И голосъ волнъ былъ уже, туже
Точно застывшій въ священнодѣйствѣ.
Зеленое море какъ нива ракитъ
Когда закатъ и сизъ и сивъ.
Изъ моря плюется къ небу китъ
Безъ смысла теменъ и красивъ.
Тогда суровые и гордые глаза
Узнали близко призракъ смерти,
Когда увидѣли побѣды что лоза
Въ рукахъ японцевъ и ею вертятъ.
Съ короткимъ упорнымъ смѣшкомъ
„Возвратись, къ черноземному берегу чали
Хочешь-ли море перейти пѣшкомъ?"
Японцы русскому кричали.
И воины, казалось, шли ко дну.
Смерть принесла съ собой духи „смородина".
Но они помнили ее одну.
Далекую русскую родину!

По прежнему вѣтровъ пищали,
Въ прахъ обращая громадныя глыбы.
Киты отдаленно пищали
И пролетали летучія рыбы.
Онѣ походили на старушекъ,
Завязанныхъ глухимъ платкомъ

Которыхъ новый выстрѣлъ изъ пушекъ,
Заставитъ плакать по комъ?
Но въ этотъ мигъ сорвался, какъ ядро,
Стоявшій на брегу пустынномъ всадникъ.
И вотъ худое какъ ведро
Пошелъ ко дну морей посадникъ.
И русскимъ выпалъ чести жребій
На дно морское шли японцы.
„Иди, иди“ звалъ голосъ рыбій.
Склонялось низко къ морю солнце.
Послѣдній выстрѣлъ смерти взоромъ
На небѣ сумрачномъ блеснулъ
И кто на волнахъ былъ соромъ
Пошелъ ко дну, уснулъ
И воины, умирая, трепетали.
Они покорно принимали жизни бѣды (залож-
Но они знали, что они тали ники)
Грядущей русскаго побѣды.
И всадникъ, кверху взмылъ, исчезъ
Его прочерченъ путь къ закату
Когда текло, струясь, съ небесъ
На море вечернее злато
Межъ тѣмъ на
Передъ изваяньемъ—создатель
Когда на отдыхъ шелъ росамъ иней,
Молніепутной окруженный цкой,

. . . .

По прежнему блисталъ какъ зеркало валунъ
Въ себѣ отразивъ и страхованіе отъ кражи
И взоры нѣги серебряные лунъ.
Но памятникъ былъ пустъ
На немъ въ тотъ мигъ стоялъ никто.
И голосъ вѣщій вылетѣлъ изъ устъ:
Здѣсь дѣло съ нечистью свито!
Когда изъ облаковъ вдругъ тяжко палъ,
Копытами ударивъ звонко въ камень,
Тотъ кто въ могилѣ синей закопалъ
Того, грозившаго руками.

И ропотъ объялъ негодующій народъ
И памятникъ вели въ участокъ
Но онъ не раскрылъ свой гордый ротъ
И въ ликѣ скачущаго застылъ
И оттираясь жирно, въ салѣ
Ему въ участкѣ предписали
На площадь оную вернуться
И пребывать на ней и впредьбезъ гривы, дѣла,
куцо.
Отъ коннаго отобрали мѣдежа расписку,
Отмѣченную такой-то частью,
И конь по прежнему склоняетъ низко
Главу, зіяющую пастью.
По прежнему вздымаетъ мѣдь
Памятникъ зеркальный и блестящій
Ружье не перестаетъ въ рукахъ имѣть
. . . .
Толпа бесѣдуетъ игриво
Взоромъ слабѣющимъ взираетъ часовой на нихъ
И кто, нибудь подсмѣиваясь надъ гривой,
Совѣтуетъ позвать портнихъ.
И плѣнному на площади вновь тѣсно и узко.
Толпа шевелится какъ звѣря мѣхъ,
Бесѣдуютъ по французски
Раздается острый смѣхъ.

И и Э.

Повѣсть каменнаго вѣка.

I.

„Гдѣ И?
Въ лѣсу дремучемъ
Мы тщетно мучимъ
Свои голоса.
Мы кличемъ И.
Но нѣтъ ея.

Въ слезахъ семья.
Ужъ полоса
Будитъ зари
Всѣ житія,
Сны бытія".

II.

Сучекъ
Сломился
Подъ рѣзвой вѣкшей.
Жучокъ
Изумился
На волны легши.
Волнъ дѣти смѣются
Въ весельи хохочутъ,
Трясутъ головой,
Мелькаютъ ихъ плечики,
А въ воздухѣ вьются
Щекочутъ, стрекочутъ,
И съ пѣсней живою
Несутся кузнечики.

III.

„О богъ рѣки,
О дѣдъ волны!
Къ тебѣ старики
Мольбой полны.
Пусть вернется мужъ съ лососемъ
Полновѣснымъ, черноперымъ.
Сѣдой дѣдушка, мы просимъ
Опираясь шестоперомъ.
Сдѣлай такъ, чтобъ бѣгъ дробя
Пали съ стрѣлами олени.
Заклинаемъ мы тебя,
Упадая на колѣни".

IV.

Жрецовъ пѣснопѣній
Угасъ уже зой.
Растаялъ дымъ.

А И ушла, блестя слезой.
Къ холмамъ сѣдымъ.
Велъ нѣжный слѣдъ ея ступеней.
То можетъ блестѣла звѣзда,
Или сверкала росой паутина?
Нѣтъ, то рѣчного гнѣзда
Шла сиротина.

V.

Помята трава
Туда! Туда!
Гдѣ суровые люди
Съ жестокимъ лицомъ.
Горе, если голова,
Какъ бога ѣда,
Несется на блюдѣ
Жрецомъ.

VI.

Плачьте волны, плачьте дѣти!
И красивой больше нѣтъ.
Кроткимъ людямъ страшны сѣти
Злого сумрака тенетъ.
О поставимъ здѣсь холмы
И цвѣтовъ насыпемъ сѣть,
Чтобъ она изъ царства тьмы
Къ намъ хотѣла прилетѣть.
Отъ погони отдыхая
Злыхъ настойчивыхъ воронъ,
Скорбью мертвыхъ утихая
Въ грустной скорби похоронъ.
Ахъ, становище земное
Дней и бѣдное длиною
Скрыло многое любезнаго
Сердцу племени надзвѣзднаго.

VII.

Ужъ бѣлохвостъ
Проноситъ рыбу.

Могучъ и простъ
Онъ сѣлъ на глыбу.
Мыкъ раздался
Невѣдомаго звѣря.
Человѣкъ проголодался
Взлетаетъ тетеря.
Властители движенію
Небесные чины
Вести народъ въ сраженіе
Страстей обречены.
Въ безсмертье заковавъ себя
Святыя воеводы
Ведутъ, полки губя
Имъ преданной природы.
Огромный качается звѣря хребетъ
Чудовище вышло лѣсное.
И лебедь багровою лапой гребетъ
Посланецъ мятели весною.

VIII.

И. „Такъ труденъ путь мой и такъ долгъ.
И грудь моя тѣсна и тяжка
Меня порѣзалъ каменный осколокъ
Меня ведетъ лѣсная пташка.
Вблизи идетъ лучистый звѣрь.
Но дѣлать что теперь
Той, что боязливѣй сердцемъ птичекъ?
Но кто тамъ? Бѣгъ ужель напрасенъ?
То Э, спокойствія похитчикъ.
Твой видъ знакомый мнѣ ужасенъ!
Ты ли это, мой обидчикъ?
Ты ли ходишь по пятамъ
Вопреки людей обычаю.
Всюду спутникъ здѣсь и тамъ
Рядомъ съ робкою добычью.
Э! Я стою на дикомъ камнѣ,
Простирая руки къ безднѣ,
И скорѣй земля легка мнѣ

Будетъ чѣмъ твоей любезной?
Стану я, чье имя И.
Э! Уйди въ лѣса свои.

IX.

Э. О зачѣмъ въ одеждѣ слезъ,
Серной вспрыгнувъ на утесъ,
Ты грозишь, чтобъ одинокъ
Сталъ утесъ,
Окровавивъ въ кровь вѣнокъ
Твоихъ косъ?
За тобой оленьимъ лазомъ
Я бѣжалъ, забывъ свой разумъ
Путеводной радъ слезѣ
Не противился стезѣ.
Узнавая лепестки
Что дрожатъ отъ края ногъ
Я забылъ голубые пески
И пещеры высокій порогъ.

X.

Лѣсную опасность
Скрываетъ неясность.
Что было со мной
Недавней порой?
Звѣрь съ ревомъ гаркая,
(Страшный прыжокъ
Дыханіе жаркое)
Лице ожогъ.
Гибель какая!
Дыханіе дикое,
Глазами сверкая.
Морда великая....
Но ножъ мой спасъ
Не то я погибъ.
На этотъ разъ
Былъ слѣдъ ушибъ.

XI.

И. Разсказать тебѣ могу-ли?
Въ водопада страшномъ гулѣ?
Но когда-то вѣщуны
Мнѣ сказали: онъ и ты
Вы нести обречены
Свѣточь тяжкой высоты.
Я помню явленіе мужа
Онъ крыльями голубя пѣстуя
И плечами юноши уже
Нарекъ меня вѣчной невѣстою
Концами крыла голубой,
Въ одеждѣ огня золотой
Нарекъ меня вѣчной вдовой.
Пути для жизни разны.
Здѣсь жизнь святого, тамъ любовь.
Насъ стерегутъ соблазны
Зачѣмъ предсталъ ты вновь?
Дола жизни страшенъ опытъ
Онъ страшитъ, страшитъ меня!
За собой я слышу топотъ
Бѣлоглаваго коня.

XII.

Э. Неужели лучшимъ въ стражѣ
Отъ невзгодъ оберегая
Не могу я, робкимъ даже,
Быть съ тобою, дорогая?
Чистыхъ сердцъ святая нить
Все вольна соединить.
Жизни всѣ противорѣчья!
Лучшій воинъ страшныхъ сѣчь я
Мнѣ тебя не умолить!

XIII.

И. Такъ отвѣчу: хорошо же!
Воинъ вѣрный будешь мнѣ.
Мы вдвоемъ пойдемъ на ложе,
Мы сгоримъ въ людскомъ огнѣ.

XIV.

Э. Дѣва нѣжная, подумай,
Или всѣ цвѣты весны
На суровый и угрюмый
Подвигъ мы смѣнить вольны?
Рокъ-Судья! Даруй удачу
Ей въ дѣлахъ ея погонь.
Отойду я и заплачу
Лишь тебя возьметъ огонь.
Ты на ложѣ изъ жаркихъ цвѣтовъ
Дѣва сонная будешь стоять.
А я рыдающій буду готовъ
Въ себя меча вонзить рукоять.
Жрецъ бросаетъ четъ и нечетъ
И спокойною рукой
Бытія невзгоды лѣчитъ
Неразгаданной судьбой.
Но какъ быть, кого желанья
Божьей бури тѣнь узла?
Какъ тому, простерши длани,
Не исчезнуть въ сѣни зла?
Слишкомъ гордыя сердца,
Слишкомъ гнѣвные глаза,
Вы какъ копья храбреца
Для друзей его гроза.
Тамъ гдѣ рокотъ водопада
Душъ любви связуетъ нить,
И, любимая, не надо
За людское людъ винить.
Видно такъ хотѣло небо
Року тайному служить
Чтобы кличъ любви и хлѣба
Всѣмъ бывающимъ вложить.
Солнце дымомъ окружить.

XV.

Угасъ, угасъ
Послѣдній лучъ.

Насталъ ужъ часъ
Вечернихъ тучъ.
Приходятъ рыбари
На радости улова.
Въ ихъ хижинахъ веселье.
Подруги кроткія зари
Даруя небу ожерелье.
На небосклонъ восходятъ снова.
Уже досугъ
Дневнымъ суетамъ
Несъ полукругъ
Насыщенъ свѣтомъ.
Кто утромъ спитъ,
Тотъ ночью бѣсится
Волшебенъ стукъ копытъ
При свѣтѣ мѣсяца.
Чей въ полночь рокъ гремѣть
То тихо блистающимъ днемъ.
Шатаясь проходитъ великій медвѣдь,
И прыгаетъ травка прилежнымъ стеблемъ.
Приноситъ свободу,
Даруетъ истому,
Всему живому
Ночью отдыхъ.

XVI.

И. Мы здѣсь идемъ. Устали ноги
И въ жаждѣ дышитъ слабо грудь.
Давно забытые пороги
О сердце кроткое забудь!
Сплетая вѣтки въ родъ шатра
Стоятъ высокіе дубы.
Мы здѣсь пробудемъ до утра
Послушно ждетъ ударъ судьбы.

XVII.

Жрецъ.

Гдѣ прадѣды въ свиданіи
Надменно почивáли

Тамъ плѣнники изгнанія
Сегодня ночевали
Священнымъ дубровамъ
Ущерблена честь.
Закономъ суровымъ
Да будетъ имъ Месть.
Тамъ сложены холмы изъ рогъ
Убитыхъ въ охотахъ оленей.
То тѣней священныхъ урокъ
То роща усопшихъ селеній.

XVII.

Толпа.

Пошли отрядъ
И приведи сюда.
Сверши обрядъ
Пресѣкши года.

XVIII.

Жрецъ.

О юноши крѣпче держите
Ихъ. Помните наши законы
Веревкой къ сто́лбу привяжите.
И смѣлымъ страшны похороны
И если они зачаруютъ
Своей молодой красотой,
То помните боги ликуютъ
Увидѣвъ дымъ жертвъ золотой.

XIX.

Вотъ юный и дѣва
Взошли на костеръ.
Вкругъ нихъ огонь изъ зѣва
Освѣщаетъ жрицъ сестеръ.
Какъ будто сторожъ умиранью
Приблизясь видомъ къ ожерелью
Искръ летающихъ собранье
Стоитъ надъ огненной постелью.

XX.

Но спускается дѣва
Изъ разорванныхъ радугою тучъ.
И зажженное древо
Гаситъ сумрака лучъ.

XX.

И изъ пламенной кельи,
Держась за руку, двое.
Вышли. Въ взорахъ веселье.
Ликуетъ живое.
Померкли всѣ пути
Исполнены обѣты
О Э! Куда идти?
Я жду твои отвѣты!
Слышишь, слышишь лѣсъ умолкъ
Надъ проснувшейся дубровой?
Мы свершили смѣлый долгъ,
Подвигъ гордый и суровый.

XXI.

Толпа родичей.

Осужденныхъ тѣла выкупая,
Мы пришли сюда вмѣстѣ съ дарами.
Но тревога, на мудрость скупая,
Узнаетъ васъ живыми во храмѣ.
Мы славимъ тѣхъ,
Кто былъ покоренъ крику клятвы,
Кого боялся зоркій грѣхъ,
Сбирая дань обильной жатвы.
Изъ битвы пламеней лучистой
Кто вышелъ невредимъ.
Кто поборолъ душою чистой
Огонь и дымъ.
Лишь только солнце ляжетъ,
Въ закатѣ догорая,
Идите нами княжить
Страной родного края.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Первобытныя племена имѣютъ склонность давать имена состоящія изъ одной гласной.

Шестоперъ это оружіе подобное палицѣ, но снабженное желѣзными или каменными зубцами. Оно прекрасно разсѣкаетъ черепа враговъ. Зой — хорошое и еще лучше забытое старое слово, значащее эхо.

Эти стихи описываютъ слѣдующее событіе средины каменнаго вѣка. „Ведомая неясной силой, И покидаетъ родное племя. Напрасны поиски. Жрецы молятся богу рѣки и въ ихъ молитвѣ слышится невольное отчаяніе. Скорбь увеличивается тѣмъ, что слѣды направлены къ сосѣднему жестокому племени; о немъ извѣстно, что оно приноситъ въ жертву всѣхъ случайныхъ пришельцевъ. Горе племени велико. Наступаетъ утро, бѣлохвостъ проноситъ рыбу; проходитъ лѣсное чудовище.

Но юноша Э пускается въ погоню и настигаетъ И; происходитъ обмѣнъ мнѣніями. И и Э продолжаютъ путь вдвоемъ и останавливаются въ священной рощѣ сосѣдняго племени. Но утромъ ихъ застаютъ жрецы, уличаютъ въ оскорбленіи святынь и ведутъ на казнь. Они вдвоемъ привязанные къ столбу на кострѣ. Но спускается съ небесъ Дѣва и освобождаетъ плѣнныхъ.

Изъ стараго урочища приходитъ толпа выкупать трупы.

Но она видитъ ихъ живыми и невредимыми и зоветъ ихъ княжить. Такимъ образомъ черезъ подвигъ, черезъ огонь лежалъ ихъ путь къ власти надъ родными.

ЗМѢИ ПОѢЗДА. БѢГСТВО. АЛФЕРОВО 1910.

Посвящается охотнику за лосями павдинцу Попову конный онъ напоминалъ Добрыню. Псы бѣжали за нимъ какъ ручные волки. Шагъ его: два шага простыхъ людей.

1.

Мы говорили о томъ, что считали хорошимъ,
Бранили трусость и порокъ.
Поѣздъ бѣжалъ, разумнымъ служа ношамъ,

2.

Змѣей качаемый чертогъ.
Задвижками стеколъ стукалъ,
Шаталъ подошвы ногъ.

3.

И одурь сонная сошла на сонныхъ куколъ,
Мы были утесы земли.
Сосѣдъ сосѣду тихо шушукалъ

4.

Въ ладъ бѣга желѣзнаго скользкой змѣи.
Испугъ вдругъ оживилъ меня. Почудилось,
что жабры
Блестятъ за стеклами въ тѣни.

5.

Я посмотрѣлъ. Онъ задрожалъ, хоть оба были
храбры
Былъ ясенъ строй жестокихъ иголъ
Такъ, змѣй крылатый! Что смерть, чума иль
на охотѣ бабры.

6.

Предъ этимъ блѣднымъ жаломъ, имъ призракъ
насъ дразнилъ и дрыгалъ
Имена гордыя, народы, почестей хребты,
Надъ всѣмъ, все попирая, призракъ прыгалъ.

7.

То видя, вспомнилъ я лепты
Что милы суровому сердцу божествъ,
„Каковыхъ ради пользъ“, воскликнулъ я, „ты возродилъ черты

8.

Могучихъ надъ змѣемъ битвы торжествъ?“
Какъ ужасъ или какъ творецъ неясной шутки
Онъ принялъ видъ и обликъ подземныхъ существъ?

9.

Но въ тотъ же мигъ замѣтилъ я ножки малютки,
Гдѣ поприще бѣга было съ хвостомъ.
Эти короткіе миги были столь жутки

10.

Что я донынѣ помню, что было потомъ.
Гребень высокій какъ дальнія снѣжныя горы
Гада покрылъ широкимъ мостомъ

11.

Разнообразные людскіе моры,
Какъ знаки жили въ чешуѣ.
Смертей и гибели плачевные узоры

12.

Вились по брюху какъ плющъ на стѣнѣ
Намѣстникъ главы, зіяла раскрытая книга,
Какъ чолка лба на скакунѣ.

13.

Сгибали тѣло чудовища преемственные миги.
То прядая кольцами, то тѣломъ коня, что всталъ, какъ свѣча.
Касалися земли нескромныя вериги

14.

И пасть разинута была точно для встрѣчи меча.
Но сѣть звѣздами расположенныхъ колючекъ
Испугала меня и я заплакалъ, не крича.

15.

Власамъ подобную читая книгу попутчикъ
Сидѣлъ на гадѣ черный вранъ.
Усаженный въ концахъ шипами и сотнями жу-
чекъ

16.

Крыла широкій сарафанъ
Кому-то въ небѣ угрожалъ шипомъ и билъ и зори
За нимъ свѣтлы какъ око бабра за щелью тон-
кихъ ранъ

17.

И спутникъ мой воскликнулъ горе! горе!
И слова вымолвить не могъ, охваченъ грустью.
Угроза и упрекъ блестѣли въ друга взорѣ,

18.

Я мнилъ что человѣчество верховье, мы-жъ мчимся
къ устью
И онъ крыломъ змѣинымъ напрягалъ.
Блестя зубовъ ужасной костью.

19.

И вдаль поспѣшно убѣгалъ
Чтобъ тѣлу необходимый дать разбѣгъ
И стараго движенья валъ.

20.

Въ глазахъ убійство и ночлегъ
Какъ за занавѣской желтой ссору
Прочесть умѣлъ бы человѣкъ.

21.

Мы оглянулись сразу и скоро.
На нашихъ сонныхъ сосѣдей
Повсюду храпъ и скука разговора.

22.

Все покорялось спячкѣ и бесѣдѣ.
Я вспомнилъ драку съ змѣемъ воина,
Того, что мечъ держа къ побѣдѣ

23.

Шелъ. И воздухъ гада запахомъ, а поле кровію
напоены
Были, когда у ногъ какъ трупъ безжизненный чу-
довище легло.
Кипѣла кровію на шеѣ трупа черная пробоина.

24.

Но сердце примѣнить примѣръ старинный не могло.
Межъ тѣмъ послѣ непонимаемыхъ метаній
Оно какой то цѣли досягло.

25.

И сѣвъ на корточки, вытягивало шею. Рой же-
ланій
Его томилъ и мучилъ, чѣмъ-то звалъ.
Оконченъ былъ обрядъ какихъ-то умываній

26.

Онъ повернулся къ намъ—я въ страхѣ умиралъ!
Сосѣда соннаго схватилъ и щелкая
Его съѣдалъ Змѣй стряпчаго младого пожиралъ!

27.

Долина огласилась голкая
Воплемъ нечеловѣческимъ устъ жертвы.
Но челюсть частая и колкая

28.

Медленно пожирала члены мертвы.
Сосѣдей слабо убаюкалъ сонъ
И нѣкоторые изъ нихъ пошли гдѣ первый.

29.

Проснитесь! я воскликнулъ. Проснитесь! горе! гиб-
нетъ онъ
Но каждый не слыхалъ, храпѣлъ съ снаровкой
Дремотой унесенъ.

30.

Тогда доволенъ сказки остановкой,
Я выпрыгнулъ изъ поѣзда прочь.
Чуть не ослѣпленъ еловою мутовкой

31.

Боецъ, я скрылся въ кустъ, чтобъ жить и мочь.
Товарищъ моему послѣдовалъ примѣру.
Насъ скрыла ель при солнцѣ ночь.

32.

И мы въ деревья скрывшись какъ въ пещеру
Были угасшихъ страховъ пепелище.
Мы уносили въ правду вѣру.

33.

А между тѣмъ разсудкомъ нищи
Змѣемъ пожирались вмѣсто пищи.

„КОНЬ ПРЖЕВАЛЬСКАГО".

Гонимый кѣмъ—почемъ я знаю?
Вопросомъ поцѣлуевъ въ жизни сколько?
Румынкой, дочерью Дуная,
Иль пѣснью лѣтъ про прелесть польки,
Бѣгу въ лѣса, ущелья, пропасти
И тамъ живу сквозь птичій гамъ
Какъ снѣжный снопъ сіяютъ лопасти
Крыла сверкавшаго врагамъ.
Судебъ виднѣются колеса
Съ ужаснымъ соннымъ людямъ свистомъ.
И я какъ камень неба несся
Путемъ не нашимъ и огнистымъ
Люди изумленно измѣняли лица
Когда я падалъ у зари.
Одни просили удалиться
А тѣ молили: озари
Надъ юга степью, гдѣ волы
Качаютъ черные рога,
Туда, на сѣверъ, гдѣ стволы
Поютъ какъ съ струнами дуга,
Съ вѣнкомъ изъ молній бѣлый чертъ
Летѣлъ, крутя власы бородки:
Онъ слышитъ вой власатыхъ мордъ

И слышитъ бой въ сковородки.
Онъ говорилъ: „Я бѣлый воронъ, я одинокъ,
Но все и черную сомнѣній ношу
И бѣлой молніи вѣнокъ
Я за одинъ лишь призракъ брошу,
Взлетѣть въ страну изъ серебра,
Стать звонкимъ вѣстникомъ добра".
У колодца расколоться
Такъ хотѣла бы вода,
Чтобъ въ болотцѣ съ позолотцей
Отразились повода.
Мчась какъ узкая змѣя
Такъ хотѣла бы струя,
Такъ хотѣла бы водица,
Убѣгать и расходиться,
Чтобъ цѣной работы добыты,
Зеленѣе стали чоботы,
Черноглазыя, ея.
Шопотъ, ропотъ, нѣги стонъ,
Краска темная стыда,
Окна, избы, съ трехъ сторонъ,
Воютъ сытыя стада.
Въ коромыслѣ есть цвѣточекъ,
А на рѣчкѣ синей челнъ.
„На возьми другой платочекъ,
Кошелекъ мой туго полнъ".
„Кто онъ, кто онъ, что онъ хочетъ,
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочетъ
Близко тятькиной избы".
„Или? или я отвѣчу
Чернооку молодцу,
О сомнѣній быстрыхъ вѣче,
Что пожалуюсь отцу?
Ахъ юдоль моя горѣть!"
Но зачѣмъ устами ищемъ,
Пыль гонимую кладбищемъ,
Знойнымъ пламенемъ стереть?

И въ этотъ мигъ къ предѣламъ горшимъ
Летѣлъ я сумрачный какъ коршунъ.
Воззрѣньемъ старческимъ глядя на видъ земныхъ
шумихъ.
Тогда въ тотъ мигъ увидѣлъ ихъ.

ПѢСНЬ МІРЯЗЯ.

У омера мірючіе берега. Мірины росли здѣсь и тамъ бѣлыя сквозь гнѣзда ворона. Низъ же заросъ грустнякомъ.

Лось приходила сохатая, трясла берега, нѣжила голову. Свирѣла свиристѣль, ликуя веселизненно и лаская птичью душу въ игорномъ дѣянствѣ. Смертнобровый тетеревъ не уставалъ токовать, взлетая на морину. Кругомъ заросло красивнякомъ и мыслокой. Тихо въ небѣ. Красивѣй выказывалъ всю красоту членовъ. Небо синее.

Слезатая слезиня отъ нея ушла навсегда веселость. Сказала прощай и бросила вѣтку слезъ.

Миловель стоялъ въ пущахъ. Міристыя звонко распѣвались пѣсни. Прилетали невѣдомо откуда міристѣющія птицы и упавъ на вѣтку начинали міристѣть.

И былъ юноша съ голубой мглой во взорахъ въ бѣлой одежкѣ, съ первоодѣванными лапотками и, подслушавъ Миристѣль, срѣзалъ грустнякъ и вырѣзавъ дудочку называлъ ее мірѣль, себя же первомірѣльщикомъ?

Когда на яри зеленой зеленѣй лугу въ аломъ и синемъ водили игорный кругъ при зовахъ молчащей свирѣли, тогда умолкалъ.

Гласючими молотами било слово вдали словельщики товарищи.

Иногда на бѣлый камень у лодочной пристани приходила дочь лѣса и положивъ бѣлый ликъ на колѣни бросала на темныя воды мiратый взоръ.

Когда же воды приходили въ буйство и голубыя водяныя ноги начинали приходить въ пляску, вдругъ брызнувъ и бросивъ черными съ бѣлыми косицами копытами, тогда звучалъ хохотъ и кивали міряными верхушками осоки и слетались мірязи звучать въ трубу и подъ звонъ міряныхъ гусель

и на нѣкіихъ нижнихъ струнахъ рокотъ мѣрный выходилъ изъ голубыхъ водъ нѣгѣй нѣжить щеки и ноги подъ взорами хорошѣющихъ краснѣя хорошеекъ, подымающихъ рѣзвыя лица надъ синимъ озеромъ, среди тусклыхъ облакъ лебяжьяго пуха и вселеннѣющихъ росинокъ росянокъ,

Въ мыслеземныхъ воздушныхъ тѣлахъ сущихъ возникали каменные взоры и взгляды, а высѣченныя изъ нѣкоего изначальняго мірня міровыя тѣла трубящихъ мірязей свивались въ двувзглядный взоръ и медленно опускались на дно морское.

Ахъ эти звучащія мысли и рокотъ сихъ струнъ. Кѣмъ вы повѣшены на то мѣсто, откуда я взялъ васъ. Вы, высокія струны отъ звѣздъ къ камнямъ и рощамъ. Качались мысловыми верхушками прекрасные грезоги. Синь, вѣтеръ и пѣснь и ночная тишина и ночная вышина струнъ. оттуда сюда, какъ копья временъ. какъ стража усталаго ропота, какъ воины съ зовомъ оттуда сюда!

Гордо тяжкій пролеталъ мірёлъ, пустотовѣя орлино согнутымъ клювомъ. Кто мірланье нашелъ перо, кто мірланьихъ услышалъ вѣяніе крылъ, кто мірланій услышалъ зовъ, тотъ измѣнился Травы сжигаетъ воля. „сюда". и клекотъ.

Лелѣетъ себя и игры малая жизнь на листьяхъ купавы. Подымая бѣлыя пухлыя губы и хохоча брюханъ водяной тѣшится сдувая пыль съ водяной зеленой яри, хватаясь за ребра.

О юноша пастушенокъ въ бѣломъ, играющій въ мірѣль! Въ бѣлыхъ своихъ лаптяхъ и бѣлыхъ одеждахъ. Звонная пѣснь звонатой свирѣли

И слезатый Бѣлунъ. И смѣхучеустые лѣшіе съ звонкосмѣхотливыми копытами. Они натягиваютъ съ чела волосъ и играютъ какъ на гусляхъ конскимъ копытомъ, рѣзвари и шалуны. Величіе родственникъ слезъ.

Ветхимъ временемъ текутъ волосы Бѣлуна Но сіяютъ еще не постарѣлые глаза.

Грозныя прекрасныя неподвижныя губы. Какъ дальнее озеро слеза остановилась въ косматыхъ величественныхъ кудряхъ на груди. Не озеро ли въ лѣсу подъ синимъ послѣдождичнымъ небомъ.

Такъ игралъ постушонокъ. Лѣсини свисали внизъ острыми грудями, такъ что ихъ неопытный взоръ могъ бы принять за осиныя гнѣзда, вникая въ смыслъ пѣсни.

И жители недальняго села несли въ зеленючія нѣдра свои взоры, мелькая бѣлючимъ и синючимъ одежды обмѣниваясь таинственнымъ священнымъ шопотомъ. Послѣ оставляли одежды синѣть и бѣлѣть.

Такъ пѣлъ пастушонокъ свирѣльщикъ. не отымая свирѣль. свитую изъ золотыхъ круговъ и лицъ.

Стала вѣще-старикатой даль, прекрасной и чистой дня тишина. Стала взоровитой чаща. И ворковали безъ умолку рѣяли и падали въ высь и въ низъ умрутные скоро голуби желаній. Кора стволовъ искрится глазами. Течетъ смола желаній.

Такъ пѣлъ онъ. Ужасокрылъ смирился улетая.

Будучи руномъ міровыхъ письменъ стояла людиня, заклиная кого то опрокинутыми въ небо взорами. молящаяся, мужественная и строгая.

Такъ пѣлъ отрокъ.

Голубые взоры Бѣлуна подернулись влагой.

И отнялъ свирѣль отрокъ. Упалъ къ стволу дуба.

И свирѣль поднялъ липорукій лѣшій и тоже запѣлъ.

Я былъ еще молодой лѣшій, я былъ Городецкимъ, у меня вился по хребту буйный волосъ, когда я услышалъ голосъ.

Мы подходили подъ благословленіе къ каждому пруту когда я услышалъ голосъ. увидѣлъ руку.

Нѣтъ не стоитъ того чтобы привести ее всей. Не стоитъ!

Усмѣхнулся сѣдымъ усомъ старый Бѣлунъ и вспомнилъ о комъ то отрокъ.

Разсмѣялись весенними устами лѣсини и усмѣхнулись ему древини.

Такъ пѣлъ лѣшій.

Идутные идутъ, могутные могутъ. Смѣхутныя смѣются.

А мірязи слетались и завивались дѣвинноперыми крылами начать молчать въ голубизновую звучаль. И въ страдочѣ нѣмолей была слышна вся прелесть звуковъ. Ахъ каждый стержень опахала кончался яснымъ лицомъ.

Молчаль была оплетена небесочествомъ и была ихъ голубизна сильна какъ желѣзо или серебро.

Текло внизъ молчанiе какъ нѣмотоструйный волосъ.

Одѣты холодомъ слезорuслянныя щеки. Сомкнуты. сжатыя уста. Строгiя глаза. Голубями олѣплены жерди. Верейная связь исходитъ изъ страдалыхъ глазъ. Ты взоръ печали въ голубой темницѣ.

Эти гусельные нѣжные, мглой голубой вѣющiе пальцы съ камнемъ синей воды на перстнѣ.

И зори покрывшiя стержнями его тѣло, главу и смѣлость.

Зодчествомъ чертоговъ называетъ божество пламя своего сердца. Мглу не развѣяли взоры и уста надъ деревомъ вишни. и облако

Красновитые изливы по сине синючему морю.

Бѣло жаровый исподъ облаковъ.

Бѣлѣйшина—облако. Синины. Синочество.

Шла слава съ широкимъ мечемъ.

Въ глазахъ горделивый снопъ мести поющаго — имъ. смерть крыльями обвила главу. ничтожнаго гдѣ всѣ велики, великаго гдѣ всѣ ничтожны, робкаго гдѣ всѣ храбры, храбраго гдѣ всѣ робки. Мiратымъ можетъ быть зрѣнiя лаптя. Пѣвецъ серебра катится рѣка.

Вонъ стадо-рого-хребто-мордо струйная рѣка въ берегахъ дороги. Жуя кусъ черно-чернючаго хлѣба волочитъ бичъ бѣлый мальчикъ.

Зори пересмѣялись и одна поцѣловала въ край сломленнаго шапкой ушка.

И поцѣлуй отразился на жующемъ хлѣбъ лицѣ.

Сумерковитый песъ съ кострѣющимъ злымъ взоромъ.

Опять донесся рокотъ незримыхъ гусель.

Но нѣмотная къ запрятаннымъ устамъ дующаго приложена таинственной руки семитрость.

Тамъ степи, тамъ колыхая крылья сереброковылистыя сѣдоусый правитъ путь сквозь ковыль старый дудакъ.

Воздушная дуя протянулась по травамъ.

Стали снопомъ сожженнаго, бѣгутъ въ былое вечерялые у лебедей подъ могучимъ крыломъ и шеями часы.

Травяная ступень неба была близка и мила

И Мной оцѣлованы были всѣ пальцы ступени.

Страдатай пустыни и мѣсто!

Не ты ли пролетаешь въ сребро сизыхъ плащахъ, подобный бурѣ и гнѣву? Коговичъ? спросятъ тебя

Имъ отвѣтишь; я соя небесъ!

Проскакалъ волкъ съ цвѣтами гаснущаго пожара въ шерсти. Мглистый кокошникъ царевенъ вечера, выходящихъ собирать цвѣты.

Тучи одѣли утиральникомъ божницу.

Кланяются, разслонятся цвѣты.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

ПЬЯНИТЕЛИ РАЯ.

Пьянитель рая, къ легкимъ свѣтамъ
Я восхожу на мягкій лугъ
Уже тоскующимъ поэтомъ
Послѣдней изъ моихъ подругъ,—

И дольней пѣснію томимы,
Облокотясь на облака,
Фарфоровые херувимы
Во снѣ качаются слегка,—

И, въ сновидѣньяхъ замирая,
Вдыхаютъ заозерный медъ
И голубыя розы рая
И голубь розовыхъ высотъ.

А я пою и кровь и кремни
И вѣчно—женственный гашишъ,
Пока не вступитъ мой преемникъ,
Раздвинувъ золотой камышъ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Расплещутся долгія стѣны
И вдругъ, отрезвившись отъ розъ,
Крылатый и благословенный
Плѣнитель жемчужныхъ стрекозъ,

Я стану тяжелым и темнымъ,
Какимъ ты не знала меня,
И не догадаюсь, о чемъ намъ
Увядшее золото дня

Такъ тускло и медленно блещетъ,
И не догадаюсь, зачѣмъ
Въ густѣющемъ воздухѣ рѣзче
Надъ садомъ очертится шлемъ,—

И только въ изгнаньѣ поэта
Возникнетъ и ложе твое

И въ розы печальнаго лѣта
Архангелъ, струящій копье.

ІЮЛЬ.

Въ небѣ—бездыханныя віолы,
На цвѣтахъ—запекшаяся кровь:
О іюль, тревожный и тяжелый,
Какъ моя молчащая любовь!

Кто раздавитъ согнутымъ колѣномъ
Пламенную голову быка?
И, презрѣвъ меня, ты рѣешь тлѣномъ,
Тонкимъ воздыханіемъ песка,

Въ строго—многоярусные строи
Зноемъ опаляемыхъ святыхъ,—
И за малымъ облакомъ перо и
Свѣтлый врагъ въ покровахъ золотыхъ.

АЛЛЕЯ ЛИРЪ.

И вновь—излюбленныя латы
Излучены въ густой сапфиръ,
Въ концѣ твоей аллеи, сжатой
Рядами узкогорлыхъ лиръ!

И вновь—твои часы о небѣ,
И вайи, и пресвѣтлый клиръ,
Предавшая единый жребій
И стебли лебединыхъ лиръ!

И вновь—кипящій златомъ гравій
И въ просиняхъ дрожащій міръ—
И ты восходишь къ нѣжной славѣ
Отъ задыхающихся лиръ!

ЛУННЫЯ ПАВОДИ.

Бѣлѣй, любуйся изъ ковчега
Цвѣтами мѣловой весны!

Забудь, что плѣнна эта нѣга
И быстры паводи луны!

Хмелѣй волненьемъ легкихъ бѣлевъ:
Я въ нихъ колеблюсь, твой женихъ,
Я приближаюсь, обезцѣливъ
Плесканья свѣтлыхъ рукъ твоихъ.

Взгляни—кровавоодноокій
Не свѣетъ серебра пещеръ:
Распластываю на востокѣ
Прозрачный вѣеръ лунныхъ вѣръ!

АНДРОГИНЪ.

Ты выростаешь изъ кратера
Какъ стебель, призванный луной:
Какая медленная вѣра
И въ ночь и въ то, что ты со мной!

Пои, пои жестокой желчью
Бѣгущіе тебя цвѣты:
Я долго буду помнить волчью
Дорогу, гдѣ блуждала ты,

Гдѣ въ часъ, когда изсякла вѣра
Въ невоплощаемые сны,
Изъ сумасшедшаго кратера
Ты доплеснулась до луны.

ЛЮДИ ВЪ ПЕЙЗАЖѢ.

Александрѣ Экстеръ.

I.

Долгіе о грусти ступаемъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, въ пепелъ оливковыхъ запятыхъ, узкія совы. Чернымъ объ опочившихъ поцѣлуяхъ медомъ пустъ восьмигранникъ, и коричневыми газетныя астры. Но тихія. Ахъ, милый поэтъ, здѣсь любятся не безвременьемъ, а къ

развѣяннымъ облакамъ. Это правда: я уже сказалъ. И еще болѣе долгіе, опепленные былымъ, гіацинтофоры декабря.

II.

Уже изогнувшись, павлиньими по елочному звѣздами, теряясь хрустящіе въ ширь. По иному блѣдныя, залегшія спины—въ ряды! въ ряды! въ ряды!—ощериваясь умерщвленнымъ виноградомъ. Поэтамъ и не провинціальнымъ голубое. Все плечо въ мѣлу и двухъ пуговицъ. Лайковымъ щитомъ—и о тонкихъ и легкихъ пальцахъ на вѣки, на клавиши. Ну, смотри: голубые о холодѣ стога и—спинами! спинами! спинами!—лунной плевой оголубѣвшіе тополя. Я не зналъ: тяжело голубое на клавишахъ вѣкъ!

III.

Глазами, заплеванными верблюжьимъ моремъ собственныхъ хижинъ—правовѣрное о цвѣтѣ и даже извѣстковыхъ лебедяхъ единодушіе моря, стѣнъ и глазъ. Слишкомъ быстро зимующій рыбакъ Белерофонтомъ. И не надо. И овальными—о гимназическій орнаментъ!—вѣерами по мутно-серебряному ветлы, и вдоль насъ короткій усердный уродецъ, пиками вникающій по льду, и другой, удлиняющій носъ въ безплодную прорубь. Полутораглазый по рѣкѣ, будемъ сегодня шептунами гилейскихъ камышей!

НИКОЛАЙ БУРЛЮКЪ.

СМЕРТЬ ЛЕГКОМЫСЛЕННАГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА.

Я отравился и не было никакого сомнѣнія, что умираю. Легкій холодъ отрезвлялъ агонію безсильнаго тѣла, и странно привлекала вниманіе блестящая обертка банки съ морфіемъ. Пустынный и гулкій корридоръ университета кое-гдѣ слабо свѣтился желтыми пятнами лампочекъ, и за окномъ глухо шумѣли деревья. Я лежалъ раскинувшись, головой прислоненный къ стѣнѣ и тщетно вникалъ въ подробности моей ночной выходки. Недвижный сталъ видѣть самого себя скрученнымъ, съ пѣной на губахъ откуда-то сбоку и не могъ уйти отъ этого щемящаго зрѣлища. Что же дальше? — сказалъ я, но ни одного шопота не вырвалось изъ косныхъ устъ. Какъ бы въ отвѣтъ на эту мысль изъ темнаго шкафа съ греческими авторами вылѣзъ очень прилично одѣтый человѣкъ въ цилиндрѣ и фракѣ, похожій на дежурнаго изъ бюро похоронныхъ процессій и, споткнувшись о мою ногу, пробормоталъ какія-то извиненія. Послѣ внимательнаго осмотра его внѣшности, разрѣшила мои недоумѣнія лишь одна эмблематическая тросточка въ рукахъ. Посмотрѣвъ минуту на трупъ, онъ, не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана газету и бичевку и принялся увязывать уже холоднаго покойника. Внимательно исполнивъ послѣднее, тронулъ меня за рукавъ и ласково сказалъ: „Ну, что же, пойдемте?“ — Я, тоскующій, молча послѣдовалъ за нимъ чрезъ вестибюль съ тяжелыми колоннами, къ главному выходу. Жалобно заскрипѣла дверь, и сильный порывъ вѣтра обвилъ мою голову складками плаща спутника. Выпутавшись, я увидѣлъ передъ собой, вмѣсто гинекологическаго института, широкую, шумную и желтую рѣку, надъ которой вѣтеръ несъ обрывки тучъ. Мое удивленіе еще болѣе усугубилось, когда позади, вмѣсто мрачнаго зданія Петровскихъ коллегій, рѣялъ сухой пустынный пейзажъ. Сильный вѣтеръ гналъ волны по рѣкѣ и клонилъ прибрежный камышъ. На кустахъ сохли сѣти. У берега на причалѣ качался ветхій челнокъ, а изъ него торчала сѣдая борода спящаго рыбака. За рѣкой, по холмамъ раскинулся дубовый лѣсъ.

Мой спутникъ сказалъ, показывая на зеленые холмы:

„Попробуйте“—и для примѣра, замахавъ тощими руками, взлетѣлъ на аршинъ, другой...

Подобная возможность вѣчнаго покоя мнѣ показалась соблазнительной и я даже запѣлъ: „Ихъ моютъ дожди и засыпаетъ ихъ пыль, а вѣтеръ надъ ними волнуетъ ковыль“. Но какъ я ни махалъ руками и подпрыгивалъ, я снова припадалъ къ влажной травѣ...

„Гм! не можете? — жаль, жаль, ну тогда вамъ придется водою“, сказалъ проводникъ и закричалъ спящему: „Харонъ, Харонъ“. Старикъ зашевелился и, зѣвнувъ, притянулъ лодку къ берегу. Выпучивъ отъ удивленія глаза, посмотрѣлъ на спутника. Наконецъ, какъ бы вспомнивъ, ударилъ себя по лбу и радостно воскликнулъ „а, это Вы, давненько, давненько“ — потомъ пояснительно, какъ старый еврей — Вы знаете, всѣмъ кушать хочется, ну, я и рыбачу, пока нѣтъ ихъ — и онъ почтительно указалъ на меня. Тутъ вожатый заторопился и шепнулъ мнѣ: — „Ну, вы съ нимъ сойдетесь, онъ славный, только не забудьте двугривенный, а мнѣ уже пора“, и, махнувъ на прощаніе Харону, растаялъ въ пыльной дали. Старикъ, въ свою очередь, замахалъ сломаннымъ весломъ и печально покачалъ головой.

Я помогъ перевозчику вычерпывать воду и сѣлъ на весла, но едва отъѣхали мы какую-нибудь сажень, какъ показалась изъ-за поворота женская фигура. Быстро, неестественно, какъ сомнамбула шла она къ берегу. Едва коснувшись воды, она остановилась, какъ разъ, передъ нами, съ блѣднымъ лицомъ и развѣвающейся вуалью. Ея широко открытые глаза, казалось, не видѣли насъ, руки крѣпко сжимали стебли бѣлыхъ цвѣтовъ. Потомъ, вздрогнувъ, стала кидать ихъ одинъ за другимъ въ нашу сторону. Цвѣты не долетая падали въ воду, и сильный вѣтеръ относилъ ихъ обратно. Но едва одинъ изъ нихъ коснулся лодки, какъ она, круто повернувшись, ринулась обратно, а сильный вѣтеръ развѣвалъ зеленую вуаль и синее платье.

Мы долго плыли по мутнымъ волнамъ. Берега рѣки дѣлались скалистѣе, а теченіе мчало лодку. Харонъ молча правилъ, а я гадалъ по лепесткамъ цвѣтовъ — любитъ, не любитъ. Темный гранитъ перегораживалъ нашъ путь. Съ ревомъ

низвергаясь, рѣка уходила куда-то подъ низкій сводъ. Заржавѣвшія рѣшетки закрывали огромный стокъ. Перевозчикъ привязалъ лодку къ кольцу, вдѣланному у самаго входа и сказалъ сурово: — „Мы пріѣхали. Вамъ придется здѣсь нырнуть", потомъ, смягчившись: „Впрочемъ, въ одеждѣ это неудобно, я открою шлюзъ". Вода спадала, обнаруживая темную галлерею и вереницу ступеней. Всюду лежали водоросли и зеленѣла плѣсень. „Прощайте, Харонъ, простите, что такъ мало", сказалъ, давая гривенникъ. Сперва было темно и сыро, потомъ начало впереди слабо свѣтиться. Меня поражала тишина и пустота Аида. Не слышно было лая Цербера, и не витали тѣни грѣшниковъ. Пройдя еще сотню шаговъ, я за поворотомъ встрѣтилъ сутулаго старика. Я вѣжливо поклонился и спросилъ — „Скажите, пожалуйста, гдѣ судилище и могу ли я увидѣть господина Плутона?" Послѣдній (это былъ онъ) привѣтливо убыбнулся и молвилъ: „Господи! Да развѣ Вы не знаете, что Аидъ упраздненъ: всѣ души уже давно получили прощеніе отъ всемилостиваго Зевса, Меркурій пошелъ по коммерціи, а Церберъ болѣе тысячи лѣтъ, тому назадъ, издохъ отъ старости". Увидѣвъ, что я опечалился, онъ погладилъ меня по головѣ и добавилъ: „Вы не думайте, что кромѣ меня здѣсь никого нѣтъ — Ева изъ жалости къ моему одиночеству у меня хозяйничаетъ. Пойдемте, я Васъ представлю". И онъ отворилъ дверь въ дворницкую. Пахло смазными сапогами, на столѣ кипѣлъ самоваръ и лежала связка бубликовъ. У стола, окутанная клубами пара, сидѣла старушка и чинила поддевку. „Неужели Вамъ не скучно?", спросилъ я. „Да, но онъ меня учитъ садоводству", и она указала на чахлую гвоздику у низкаго окна, за которымъ раздавались шаги мокрыхъ прохожихъ.

ТИШИНА ЭЛЛАДЫ.

Насъ, юношей юга, не влечетъ къ тебѣ, Эллада, торопливой весной въ убѣгающемъ взглядѣ зеленыхъ равнинъ и вдохновеннаго вѣтра недалекаго моря...

Не призываетъ насъ твой голосъ лѣтомъ, не знающимъ кѣмъ быть,—безплодной женой или матерью непокорныхъ хлѣбовъ и травъ...

Но если въ концѣ августа выйду въ усталое поле слушать трескъ высыхающей отерни и цѣловать ясныя ланиты неба, я, изъ притвора осени, слышу пораженный дальній голосъ твоей тишины, О страна боговъ!

Мы твои на рубежѣ гиперборебскихъ странъ и черныхъ волнъ неугомоннаго моря...

Перекликаются ли въ осеннемъ воздухѣ покинутыя менады на лѣсистомъ киѳеронѣ, доносится-ли голосъ пережившаго свою смерть Ліея отъ скалистыхъ вершинъ Гимета?..

Мы твои,—страна покинутыхъ храмовъ и жертвенниковъ, подъ сѣнью распятой красоты...

Мы твои когда звѣзды дрожатъ въ водахъ Кастальскаго источника и наши пугливыя музы прилетаютъ робко пить его поющую воду.

Мы твои—въ жестокой согбенности нашихъ городовъ...

И не есть ли надъ ними твой зодіакальный свѣтъ намъ вино вѣчно прекрасной смерти.

СОЛНЕЧНЫЙ ДОМЪ.

Я хорошо помню то время. Многія черты прошлаго и теперь невидимо лежатъ и на увядающей степной зелени и на стѣнахъ сѣрыхъ земляныхъ построекъ хутора, а по вечерамъ, иногда, по бѣлой извести штукатурки моей комнаты ложатся знакомыя тѣни...

И тогда съ непонятнымъ Вамъ волненіемъ, я тушу свою зеленую лампу. Такъ дѣти, читая письма предковъ, въ ужасѣ рвутъ ихъ;—былое приводитъ застывшую статую.

Мы жили тогда въ бѣломъ домѣ. Круглый, съ тонкими колоннами и куполообразной крышей, онъ стоялъ на пологомъ холмѣ стройный и высокій.

Возвращаясь изъ далекихъ путешествій по голубымъ, травянистымъ лугамъ, мы еще издалека высматривали его куполъ, четко бѣлѣющій на фонѣ сосѣднихъ холмовъ рыжихъ и бурыхъ отъ вызрѣвшихъ хлѣбовъ, какъ шкура лисицы. Подходя ближе мы уже различали за частыми колоннами насквозь свѣтящіяся окна и темныя цѣпи буксуса на его песчаномъ окружіи. Еще ближе... и къ намъ доносится

вялый запахъ чайныхъ розъ балкона верхняго этажа дома, внизу же камеліи точатъ капли крови.

Пріютъ солнечныхъ лучей и милыхъ ларовъ и пенатовъ.

Насъ было много и дѣвъ и юношей. Но лишь я одинъ былъ жилецъ этого міра. Палецъ у губъ при встрѣчѣ охранялъ тишину дома.

И на верху и внизу комнаты разсѣкали кругъ дома секторами. Двери изъ комнаты въ комнату. Верхнія комнаты безъ мебели и солнечныя пятна тепло ложились на покоробившійся паркетъ и голубой выцвѣтшій атласъ стѣнъ. Внизу синіе обои охраняли покой и тайну. Книги и музыкальные инструменты размѣстились, какъ сухія насѣкомыя на полкахъ.

Однажды, къ вечеру, какъ обломки скалъ мы лежали на западномъ скатѣ холма. Солнцѣ, близясь къ горизонту, покрывало краснымъ туманомъ далекіе лѣса запада. На сѣверѣ глухо шумѣлъ потокъ и вѣтеръ качалъ темныя ели. Югъ — желтый блестѣлъ рукавами устьевъ и дрожалъ яркой зеленью острововъ и камышей.

Было очень тихо. Неслышный вѣтеръ доносилъ изрѣдка ровное и нѣжное мурлыканье, уже сонныхъ, ларовъ. Еще минута... другая и дымный дискъ солнца огромный потонулъ въ густой смолѣ заката.

Небо облегченно пожелтѣло и мы, увѣровавшіе въ западъ, ждали дуновенія вечерняго вѣтра. Стало еще тише и даже, нашъ пресыщенный слухъ внялъ ровное дыханье дѣвушки на огородѣ подъ холмомъ.

Гдѣ-то далеко, какъ лопнувшая струна прозвучалъ голосъ быть можетъ, намъ это послышалось, но опять жалоба и испугъ гдѣ то далеко не въ нашемъ мірѣ... и, вдругъ, прорвавъ пелену заката дальняго горизонта, взлетѣла тѣнь... облако... птица?—да, конечно, птица! Съ тревожнымъ и протяжнымъ крикомъ она пронеслась на необычайной высотѣ, надъ нашимъ домомъ, оглядываясь на пробитый западъ. Еще мгновеніе—и она утонула въ мглѣ востока. И снова птица, другая, третья—стройныя вереницы, треугольники, потомъ, сбившіяся смятенныя стада. Какъ спугнутыя съ ночлега въ устьяхъ Дуная, Нила, летѣли бѣлыя стаи фламинго, пелика-

новъ, аистовъ, лебедей, дико крича—и падали торопливо въ тьму востока.

И опять все замерло... притаилось, лишь темная рана запада медленно покрывалась остывшими тучами.

А тамъ за скатомъ небесъ шорохъ, легкій трескъ, свистъ, скрежетъ, царапанье и далеко, далеко ползетъ медленно упорный врагъ, закрывая полъ неба. Тогда мы въ необычайномъ ужасѣ, тихонько на цыпочкахъ въ угрожающей тьмѣ крадемся въ сонливый домъ. Заметавъ слѣды, медленно и внимательно запираемъ окна, двери, затворяемъ ставни, опускаемъ занавѣси и, зажегши лампы съ зеленымъ абажуромъ, садимся въ остромъ углу комнаты спиной къ окнамъ—соберитесь вокругъ меня и спите.

Ровно наступаетъ безмолвіе и гаснутъ послѣдніе шорохи. Въ тихихъ теплыхъ комнатахъ сухой запахъ старой мебели и стѣнъ. И только съ чуть слышнымъ шелестомъ горятъ домашнія лампы.

На дворѣ сперва тише чѣмъ у насъ потомъ сквозь тишину стекла оконъ и ставни слышится волнообразный шумъ безчисленныхъ голосовъ. Скребутъ стѣны и крыша трещитъ подъ тяжкими шагами. Лампы ровно горятъ. Обернувшись къ окну вижу—между подоконникомъ и рамой протискалась кольчатая лапа съ когтемъ и забѣгала по стѣнѣ. Со страннымъ любопытствомъ подхожу и, открывъ ставни смотрю:— сперва цвѣтные круги, потомъ огромный зрачекъ въ цѣлую шибку темной воронкой тянетъ. Съ усиліемъ вырвавшись изъ магнитнаго поля, захлопываю ставню и иду въ глубь комнаты. И опять тишина въ домѣ. Ровно шуршитъ свѣтильня лампы и зачарованные смотримъ мы на пылкій огонь. Острія языковъ ровно оббѣгаютъ кругъ свѣтильни. Лепестки охраняютъ ароматъ свѣта. Но насъ слишкомъ много, сонные, мы боимся спать и свѣтъ сохнетъ и трещитъ сухая свѣтильня.

Лепестки опадаютъ и тѣни сгущаются, — лепестки опадаютъ и когда послѣдній уже красный забѣгалъ по кругу, хлопая подъ темнымъ вѣтромъ, снаружи съ новой силой завыли и застонали и зазвенѣли хрупкія стекла окна. Въ паническомъ ужасѣ толкая другъ друга и давя мягкихъ и сон-

ныхъ ларовъ бѣжимъ въ сосѣднюю комнату. Едва закрывъ двери, слышимъ какъ въ покинутой комнатѣ съ трескомъ выламываютъ двери и окна.

А мы снова у лампы изнеможденные и оцѣпенѣлые смотримъ на вѣрный огонь. Но насъ слишкомъ много и опять истощенное пламя медленно тускнетъ и трещитъ сухая свѣтильня. Бѣлый сигналъ потуханія снова кружится передъ нашими пристальными взорами и снова мы, покинувъ измученныхъ и обезсилѣвшихъ, безжалостно захлопывая дверь, устремляемся въ сосѣднюю комнату къ круглому столу съ зеленой лампой. А тамъ выдавивъ двери и окна шуршатъ и повизгивая дѣлятъ добычу. И снова вянетъ огонь и снова насъ меньше передъ взорами быстрыхъ языковъ. Еще потуханіе, бѣгство истощенный огонь, гибель спутниковъ и опять, опять...

Наконецъ послѣдняя лампа, лампа моей комнаты, комнаты свѣтоносца. Ровно шипитъ свѣтильня и геральдическій драконъ герба кидаетъ косую язвительнрю тѣнь. Я остался одинъ и только вѣрный ларъ жмется къ онѣмѣвшимъ колѣнамъ. Усталый и бездумный приникъ взоромъ къ домовитому огню, внимая его заботливый голосъ и вздрагивая при жестокомъ взвизгиваніи снаружи.

Огонь шепчетъ древнія заклятія и дремучія рѣчи, усыпляя волненіе. Тонкія сѣрыя нити незримо ростутъ изъ пламени и сѣрой паутиной заплетаютъ мою неподвижную фигуру и вѣрнаго лара. Изнемогая и потрескивая плететъ умирающій паукъ сѣрый коконъ тихаго свѣта. Трасетъ сладкими лапками легкую колыбель, застывая подъ дикою тьмою.

Сѣрымъ дождливымъ утромъ я нашелъ его обоженнымъ у догорѣвшей свѣчи на ночномъ столикѣ.

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

САДОВНИКЪ.

Изотлѣвшiй позвоночникъ
Ротъ сухой и глазъ прямой,
Продавецъ лучей—цвѣточникъ
Вѣчно праведный весной.

Каждый лучъ—и взялъ монету,
Острый блескъ и черный крепъ
Вѣчно щурилъ глазъ ко свѣту
Все же былъ и сухъ и слѣпъ!

* * *

Со стономъ проносились мимо,
По мостовой былъ лязгъ копытъ.
Какой-то радостью хранимой,
Руководитель слѣдопытъ—

Смотрѣлъ, слѣдилъ по троттуарамъ
Подъ кистью изможденныхъ звѣздъ
Прилежный, приставая къ парамъ
И озираяся окрестъ . . . .

Что онъ искалъ опаснымъ окомъ?
Что привлекло его часы—
Къ людскимъ запутаннымъ потокамъ,
Гдѣ слѣдопыты только псы,

Гдѣ столько скомканныхъ понятiй
Примѣтъ разнообразныхъ стопъ
И гдѣ смущеннѣе невнятнѣй
Стезя ближайшихъ изъ особъ.

* * *

Рыдаешь надъ сломанной вазой,
Далекiе тучъ жемчуга
Ты бросила мѣткою фразой
За ихъ голубые рога.

Дрожатъ округленныя груди,
Недвижимъ рождающій взглядъ
Какъ ядъ погребенный въ сосудѣ
Отброшенный вѣсокъ нарядъ.

Иди же я здѣсь поникаю
На крылья усталости странной;
Мгновеньемъ свой кругъ замыкаю
Отпавшій забавы обманной.

Убійство красное
Приблизило кинжалъ,
О время гласное
Носитель узкихъ жалъ

На бѣлой радости
Дрожитъ точась рубинъ
Убійца младости
Вѣдунъ ночныхъ глубинъ

Тамъ у источника
Вскричалъ кующій шагъ,
Ликъ полуночника
Несущій красный флагъ.

Зазывая взглядомъ гнойнымъ
Пѣной желтыхъ сиплыхъ губъ
Cтаномъ гнутымъ и нестройнымъ
Сжавъ въ рукахъ дырявый кубъ

Ты не знаешь скромныхъ будней
Брачныхъ сладостныхъ цѣпей
Безпощаднѣй непробуднѣй
Средь медлительныхъ зыбей.

В. В. КАНДИНСКІЙ.

Четыре маленькихъ разсказа изъ его книги «Klänge»
(изд. R. Piper A. C°, München).

КЛѢТКА.

Оно было разорвано. Я взялъ оба конца въ обѣ руки и плотно ихъ другъ къ другу держалъ. Вокругъ росло что-то. Вплотную вокругъ меня Но видно не было ничего.

Я думалъ, что ничего и не было. А впередъ двинуться не могъ. Я былъ какъ муха въ опрокинутомъ стаканѣ.

Т.-е. ничего видимаго, а не прорвешься. Было даже пусто. Прямо передо мной стояло дерево, вѣрнѣе сказать деревцо. Листья какъ ярь-мѣдянка зеленые. Плотные какъ желѣзо и какъ желѣзо твердые. Маленькія кроваво свѣтящіяся яблочки висѣли на вѣткахъ.

Вотъ все что было.

ВИДѢТЬ.

Синее, Синее поднималось, поднималось и падало.

Острое, Тонкое свистѣло, вонзалось, но не протыкало.

По всѣмъ концамъ грохнуло. Толстокоричневое повисло будто на всѣ времена.

Будто. Будто.

Шире расширь свои руки.

Шире. Шире.

А лицо свое покрой краснымъ платкомъ.

И можетъ быть, еще ничего не сдвинулось: только ты сдвинулся.

За бѣлымъ скачкомъ бѣлый скачокъ.

А за этимъ бѣлымъ скачкомъ еще бѣлый скачокъ.

И въ этомъ бѣломъ скачкѣ бѣлый скачокъ. Въ каждомъ бѣломъ скачкѣ бѣлый скачокъ.

Вотъ то то и не хорошо, что ты не видишь Мутное: въ Мутномъ то оно и сидитъ.

Отсюда-то все и начинается. . . . .

. . . . Треснуло. . . . .

ФАГОТЪ.

Совсѣмъ большіе дома рушились внезапно. Маленькіе дома оставались невредимы.

Толстое, твердое, яйцеобразное оранжевое облако повисло надъ городомъ вдругъ. Казалось, оно повисло на остромъ концѣ длиннаго креста высокой худой колокольни и свѣтило фіолетовымъ цвѣтомъ.

Сухое, голое дерево поднимало къ глубокому небу свои дрожащія, тресущіяся длинныя вѣтви. Оно было черно, какъ дыра въ бѣлой бумагѣ. Четыре маленькихъ листа дрожали временами. А. Было безвѣтренно—тихо.

А когда приходила буря и сметала какой нибудь толстостѣнный домъ, тонкіе вѣтви не дрожали. Маленькіе листья дѣлались жесткими: будто изъ желѣза вылиты.

Прямой линіей пролетѣла въ воздухѣ стая воронъ надъ городомъ.

И опять внезапно все стало тихо.

Оранжевое облако исчезло. Рѣжущесинимъ стало небо. Городъ желтымъ до слезъ.

И въ этомъ покоѣ звучалъ только одинъ звукъ: удары копытъ. Тутъ всѣ знали, что по совершенно пустымъ улицамъ блуждаетъ совершенно одна бѣлая лошадь. Этотъ звукъ звучалъ долго, очень, очень долго. А потому и нельзя было никогда точно сказать, когда онъ прекращался. Какъ сказать, когда наступаетъ покой?

Отъ тяжкихъ, длинно растянутыхъ, нѣсколько не выразительныхъ, безучастныхъ, долго, долго въ глубинахъ, въ пустотѣ шевелящихся звуковъ фагота все постепенно дѣлалось зеленымъ. Сначала глубоко и слегка грязноватаго оттѣнка. Потомъ все свѣтлѣе, холоднѣе, ядовитѣе, еще свѣтлѣе, еще холоднѣе, еще ядовитѣе.

Дома росли кверху и дѣлались уже. Всѣ склонялись къ одной точкѣ направо, гдѣ быть, можетъ, было утро.

Какъ бы стремленіе къ утру замѣчалось.

И еще свѣтлѣе, еще холоднѣе, еще ядовитѣе дѣлались небо, дома, мостовая и люди шедшіе по ней.

Они шли непрестанно, непрерывно, медленно, передъ собой глядя неизмѣнно. И всегда одни.

А тому соотвѣтственно увѣнчивалось голое дерево большой роскошной кроной. Высоко сидѣла эта крона и форма ея была плотной, колбасообразной, кверху выгнутой.

И только эта крона одна была такъ ярко-желта, что не выдержать бы этого ни одному сердцу.

Хорошо что никто изъ тамъ внизу идущихъ не увидѣлъ этой кроны.

Только фаготъ стремился обозначить этотъ цвѣтъ. Онъ поднимался все выше и яркимъ и носовымъ сталъ его напряженный звукъ.

Какъ хорошо, что фаготъ не могъ достичь этого тона.

ПОЧЕМУ?

„Никто оттуда не выходилъ.

„Никто?

„Никто.

„Ни одинъ?

„Нѣтъ.

„Да! А какъ я проходилъ мимо, одинъ все-таки тамъ стоялъ.

„Передъ дверью?

„Передъ дверью. Стоитъ и руки разставилъ.

„Да! Это потому, что онъ не хочетъ никого впустить.

„Никто туда не входилъ?

„Никто.

„Тотъ, который руки разставилъ. тотъ тамъ былъ?

„Внутри?

„Да, внутри.

„Не знаю. Онъ руки разставилъ только затѣмъ, чтобы никто туда не вошелъ.

„Его туда поставили, чтобъ никто туда внутрь не вошелъ? Того, который разставилъ руки?

„Нѣтъ. Онъ пришелъ самъ, сталъ и руки разставилъ.

„И никто, никто, никто оттуда не выходилъ?

„Никто, никто.“

А. КРУЧЕНЫХ.

СТИХИ а. КРУЧЕНЫХ

старые щипцы заката
заплаты

рябыя очи
смотрят
смотрят
на восток

нож хвастлив
взоры кинул
и на стол
как на пол
офицера опрокинул
умер он

№ восемь удивленный
камень сонный
началъ глàзами вертѣть
и размахивать руками
и какъ плеть
извилась передъ нами
салфетка

синяя конфетка
напудреная кокетка
на стол упала мѣтко
задравши ногу
покраснѣла немного
вотъ представленіе
дайте дорогу

офицеръ сидитъ в полѣ
с рыжею полей
и надменный самовар
выпускаетъ пар
и свистает
рыбки хлещут

у офицера
глаза маслинки
хищныя манеры,
губки малинки
глазки сѣры
у рыжей поли
брошка вѣеромъ
хорошо было в полѣ

потомъ все измѣнилось
как отвѣта добился
онъ стал большой и тоже рыжій
на металл оперся
к нему стал ближе
от поли отперся
не хотѣл уже рыжей
и то ничего что она гнулась
все ниже ниже
и мамаша его все узнала
полю рыжую еще обругала
похвалила лаская нахала
такъ все точно знала
рыжая поля рыдала.

примѣчаніе сочинителя—
влечет мір
с конца
в художественной внѣшности он
выражается и так: вмѣсто 1—2—3
событія располагаются 3—2—1 или
3—1—2 такъ и есть в моем
стихотвореніи

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКІЙ.

НОЧЬ

Багровый и бѣлый отброшен и скомкан,
В зеленый бросали горстями дукаты,
А черным ладоням сбѣжавшихся окон
Роздали горящія желтыя карты.
Бульварам и площади было не странно,
Увидѣть на зданіяхъ синія тоги.
И раньше бѣгущим, какъ желтыя раны,
Огни обручали браслетами ноги.
Толпа пестрошерстая быстрая кошка
Плыла, изгибаясь, дверями влекома
И каждый хотѣлъ протащить хоть немножко
Громаду из смѣха отлитаго кома.
Я, чувствуя платья зовущія лапы
В глаза имъ улыбку протиснулъ, пугая,
Ударами въ жесть хохотали арапы
Над лбом расцвѣтивши крыло попугая.

УТРО

Угрюмый дождь скосилъ глаза.
А за
Рѣшеткой,
Четкой,
Желѣзной мысли проводов
Перина.
И на
Нее, легко встающих звѣзд оперлись
Ноги.
Но ги—
бель фонарей,
Царей
В коронѣ газа,
Для глаза,
Сдѣлала больнѣй враждующій
букетъ бульварныхъ проститутокъ.
И жуток
Шутокъ

Клюющій смѣх из желтых
ядовитых роз,
Возрос
Зигзагом.
За гом
И жуть,
Взглянуть
Отрадно глазу:
Раба
Костров
Страдающе—спокойно—-безразличных
Гроба,
Домов
Публичных,
Восток бросал в одну пылающую вазу.

СТАТЬИ

I. II. Н. БУРЛЮКЪ.

III. IV. В. ХЛѢБНИКОВЪ.

КУБИЗМЪ.

(Поверхность—плоскость).

Живопись цвѣтное пространство.
Точка, линія и поверхность суть элементы пространственныхъ формъ.
порядокъ въ которомъ они помѣщены возникаетъ изъ ихъ генетической связи.
простѣйшій элементъ пространства есть точка.
слѣдъ ея—есть линія.
слѣдъ линіи поверхность.
этими 3-мя элементами исчерпываются всѣ пространственныя формы.
слѣдъ прямой линіи есть плоскость.

Быть можетъ не парадоксомъ будетъ сказать, что живопись лишь въ XX вѣкѣ стала искусствомъ.

Лишь въ XX вѣкѣ мы стали имѣть живопись какъ искусство—ране было искусство живописи, но не было живописи-Искусства. Принято называть, питая нѣкоторое снисходительное состраданіе къ безконечнымъ затратамъ на музеи—Эту Живопись (до XX вѣка)—Старой Живописью, въ отличіе от Живописи Новой.

Эти опредѣленія сами собой указываютъ какъ всѣми, даже самыми Темными и неинтересующимися Духовностью, уже постигнута безконечная пропасть, павшая между вчерашним и сегодняшним днем живописи. Безконечная пропасть. Вчера мы не имѣли искусства—Сегодня у насъ есть искусство. Вчера оно было средством, сегодня оно стало цѣлью. Живопись стала преслѣдовать лишь Живописныя задачи. Она стала жить для себя. Жирные буржуа—оставили художника своим позорным вниманіем и вот этот магъ и чародѣй имѣет возможность уйти къ заоблачным тайнам своего искусства.

Радостное Одиночество. Но горе тѣм, кто пренебрегает свѣтлыми родниками откровеній высшихъ настоящаго дня. Горе тѣмъ, что отказываются отъ глазъ своихъ, ибо Художники сегодняшняго дня—вѣщіе очи человѣчества. Горе тѣмъ, что довѣряют своей способности, не превосходящей таковую достопочтенныхъ кротовъ!.. Тьма пала на души ихъ!..

Живопись. ставъ самоцѣлью, сама въ себѣ нашла безконечное количество далей и устремленій — И предъ удивленными глазами случайныхъ зрителей, хохочущихъ на современныхъ выставкахъ (уже съ опаской и почтеніем) развернула такое количество различныхъ теченій—Что одного ихъ перечисленія сейчасъ бы хватило для цѣлой крупной статьи.

Можно смѣло сказать, что предѣлы Этого искусства Свободной Живописи расширены за 10 лѣт XX вѣка такъ, какъ не мнилось за все время существованія ея прежняго!

Между этими теченіями Новой Живописи самое Эпатирующее глазъ зрителя представляет Направленіе, опредѣленное словом Кубизмъ.

Теоретическимъ обоснованіемъ каковаго я сейчасъ и хочу заняться—тѣм самым Поставивъ растерявшееся сужденіе современнаго „почитателя" искусства на твердую и болѣе, менѣе вѣрную почву.

Изслѣдуя творчество прежнихъ живописцев напримѣръ Гольбейна и Рембрандта, мы можем вывести слѣдующія положенія. Эти 2 художественныя темперамента природу понимают: Первый главным образомъ какъ линію.

Второй какъ извѣстный комплексъ свѣтотѣни. Если для перваго краска является лишь трудно упразднимымъ, по традиціи, пособіемъ къ рисунку (контуръ), то для второго рисунокъ, (контуръ), линія являются непріятной особенностью искусства его времени. Если Рембрандт беретъ въ руки иглу, то его рука спѣшитъ провести цѣлый лѣсъ линій, чтобы въ этомъ дымномъ пятнѣ офорта исчезло „кратчайшее разстояніе между двумя точками" Первый преимущественно Рисовальщикъ. Рембрандт—живописецъ.

Рембрандт: колорист, импрессіонист, Рембранд — чувствуетъ плоскость — краски. Но конечно оба являются Слѣпымъ Орудіемъ вещей — оба понимают живопись какъ средство, а не какъ самоцѣль—и у нихъ сознательно не выявлены главные основы Современной Новой Живописи (такъ, какъ это мы видимъ у современныхъ лучшихъ художниковъ).

Тѣ составные элементы, на кои живопись по существу

своей натуры распадается: I линія
II поверхность.
(математическое понятіе см. эпиграф.)
III цвѣтъ
IV фактура (характеръ поверхности)
См. ст. фактура.

I и III элементы являлись достояніемъ особенностью, до извѣстной степени, и старой живописи. Но II и IV есть тѣ дивныя страны, открытіе въ природѣ коихъ принесъ намъ для Живописи—лишь сегодняшній день XX вѣка. Раньше живопись Лишь видѣла, теперь она Осязаетъ. Раньше она изображала предметъ въ 2-х измѣреніяхъ—теперь открыты болѣе широкія возможности... *) Я не говорю здѣсь о томъ, что принесет нам ближайшій день, (что и теперь уже найдено такими художниками какъ П. П. Кончаловскій, Чувство Зрительной вѣсомости.—Чувство Аромата цвѣта. Чувство длительности цвѣтового момента... (И. И. Машков.)

Я уклоняюсь отъ увлекательной задачи набросать планъ этого вдохновеннаго шествія по пути раскрытыхъ тайнъ и возвращаюсь къ своему предмету,

Чтобы быть въ состояніи понимать Живопись искусство Новую Живопись—необходимо стать на ту точку въ отношеніи къ природѣ, на которой стоит художникъ.—Надо Устыдиться — элементарнаго — взгляда бездарныхъ подростков на природу—этого исключительно фабульнаго, анекдотическаго отношенія! Надо помнить, что для Художника, для живописи—природа является Исключительно объектомъ зрительнаго Ощущенія. Дѣйствительно — зрительнаго ощущенія утонченнаго и неизмѣримо, сравнительно съ прежнимъ, расширеннаго ассоціативной способностью человѣческаго духа, но уклоняющагося отъ идей грубо—посторонняго типа. Живопись теперь

---

*) Интересныя попытки такого расширенія обычных методовъ изображенія дает Живопись—мало отмѣченной до сих поръ русской критикой Александры Экстеръ.

Убѣдительно поставленные вопросы разрѣшенія цвѣтовой инструментовки, чувство плоскости и неустаннаго протеста против изжитых форм ставят ее въ ряды наиболѣе интересных современ. художников.

оперирует въ ей единственно доступной области Живописныхъ Идей—Живописныхъ представленiй. Вытекающихъ и за рождающихся на этихъ Элементахъ зрительной природы, кои могутъ быть опредѣлены 4 пунктами намѣченными выше.

Человѣкъ, лишенный Живописнаго пониманiя природы, глядя на пейзажъ Сезанна „дом" понимает его чисто анекдотически 1) „домъ" 2) горы. 3) деревья 4) небо. Между тѣмъ, какъ для художника существовали I Линейное построенiе II (не вполнѣ осознанное) плоскостное и III красочная инструментовка. для художника были извѣстныя линiи, идущiя вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, не было дома, деревьев... а были пятна извѣстной красочной силы, характера И. только

И прежняя Живопись, иногда, какъ будто, была не далека отъ пониманiя природы какъ Линiи (извѣстнаго характера, извѣстнаго напряженiя) и цвѣта (природа какъ рядъ красочныхъ пятен—это относится Только къ Импрессiонистамъ конца XIX в.)—Но Она никогда не задавалась цѣлью изслѣдованiя природы зрительной съ точки зрѣнiя ея поверхностной сущности. Пониманiе всего, что мы видимъ, только как рядъ извѣстных опредѣленныхъ Сѣченiй различныхъ Плоскостей поверхностей возникло лишь въ XX вѣкѣ под общим именем Кубизма. Как и все, кубизм имѣет свою исторiю.—Возможно вкратцѣ указать источники этого замѣчательнаго теченiя.

I. Если Греки, Гольбейнъ являются какъ бы первыми, кому была доступна линiя (сама по себѣ).

II. Если Свѣто—тѣнь (какъ колорит)—фактура—поверхность—мерещились Рембрандту.

III то Сезанну можно приписать первому догадку о томъ— что на природу можно смотрѣть какъ на Плоскость, какъ на поверхность (плоскостное построенiе). Если линiя Свѣто тѣнь, окраски были извѣстны и ранѣе, то Плоскость, поверхность были открыты лишь новою живописью. Также, какъ только теперь была постигнута вся неизмѣримая важность Фактуры въ живописи.

Переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнiю Образцовъ плоскостнаго изслѣдованiя природы въ картинахъ созданныхъ современными художниками—переходя къ нѣкоторымъ

немъ можно обозначить „летутные народы". „Летавное общество."

„Опасности летобы" (учоба, злоба), какъ явленіе людской жизни. Летоба—воздухоплаваніе какъ проявленіе дѣятельности жизни.

„Летѣли," всякій снарядъ летательный (свирѣль) качели „Блеріо перелетѣлъ на своихъ летеляхъ Ламаншъ."

„Необходимое для него летло въ смыслѣ снасти (весло) Летины (имянины) день полета, мы были на летинахъ; первины летинъ.

„Летало"—авіаторъ извѣстный за границей летало Гюйо.

Летачество. „Летская дружина" „Летья година."

Летьба—мѣсто и дѣйствіе полета—воздухпл. паркъ

Летьбище—аэродромъ. Летьбищенская площадь.

Летище, летовище—снасть. и воздухо плавательнае приборъ. вообще мѣсто связанное съ полетомъ.

Леталище—леталище костюмъ летока.

Летня—корзина для летоковъ.

Лётка (однолётка,) дрожки—двуколка машина воздухоплав.

Летка Блеріо. пятилетка

„Двукрылка"

„Небесные казаки"—воздушное казачье войско.

Летежная выставка.

Летистый снарядъ

Летизна—способность летѣть

Летоука—ученіе о полетахъ: леторадость. Летожалость

Летоужасъ. Летій богъ—Стрибогъ—богъ воздухоплаванія.

Летучій полкъ—воздушная дружина.

Летомая высота—высота возможнаго подъема.

„Летлый заводъ" летлый снарядъ.

Летлая рѣка—воздушныя теченія, пути полета.

Лето, летеса—дѣла воздухоплаванія

„Русскія летеса" Летесная будущность.

Корни парить, рѣять годны для снастей тяжелѣе воздуха.

Воздухо-паритель. Парежъ длился не долго.

паривый Начались парины въ воздухѣ надъ летьбищемъ

Леточь (свѣточь)—воздухопл. приборъ

„Тат. взлетѣлъ на своемъ леточѣ".

Парило—снарядъ для паренія въ воздухѣ (планеръ)

Парьба. Паручесть. Парины

Взмывъ (взмывать) время устремленія къ верху.

Сторъ время наибольшаго развитія скорости въ полетѣ

Рѣялка—снарядъ для рѣянія.

рѣйбище—мѣсто движенія въ небѣ.

Рѣюнъ рѣйочь приборы для рѣянія. Рѣязь.

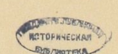
Неборѣязь

Неборѣнь—путь въ небѣ.

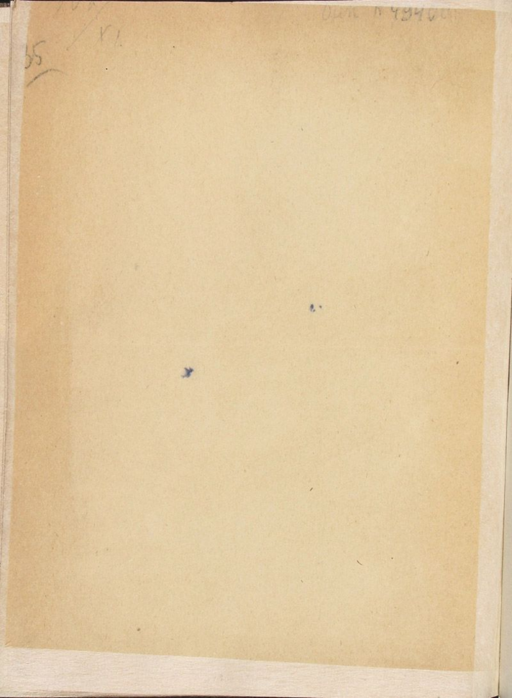
Махъ разстояніе пробѣгаемое прибоомъ въ одинъ толчекъ крылій. Крыломахъ – летящій съ

IV. ВЗОРЪ НА 1917 годъ

Испанія 711	Египетъ 672
Россія 1237	Карѳагенъ 146
Вавилонъ 587	Авары 796
Іерусалимъ 70	Византія 1453
Самарія 6 по Р. Хр.	Сербія 1389
Индія 317	Англія 1066
Израиль 723	Корея 660
Римъ 476	Индія 1858
Гунны 142	Индія 1526
Египетъ 1517	Іудея 134
Вандалы 534	Нѣкто 1917

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XI.